
Д 35/35
в. 1-8
КОНВОЛЮТ

Н. Абрамовъ.

ДАРЪ СЛОВА.

Выпускъ первый.

ИСКУССТВО ИЗЛАГАТЬ СВОИ МЫСЛИ.

Языкъ и мысль. — Строй сочиненія. — Слогъ. — Шопенгауэръ о слогѣ. — Словарь языка. — Словарь синонимовъ. — Общіе совѣты.

Изданіе пятое.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1909.

Типо-Литографія І. Лурье и Ко, Гороховая 48.

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1964 г.
21		61-8					733	

1717/64 — 225 000.

ГЛАВА I. Языкъ и мысль.

Жестоко ошибаются тѣ, которые думаютъ, что умѣнье излагать свои мысли ясно и удобопонятно требуется только адвокату или писателю. Благодаря распространенности такого взгляда въ нашемъ обществѣ, у насъ такъ мало ораторовъ и такъ мало лицъ, умѣющихъ писать толково, если не считать дѣйствительно адвокатовъ и профессіональныхъ писателей, спеціально изучающихъ великое искусство излагать свои мысли. А между тѣмъ каждому изъ насъ приходится хоть когда нибудь да выступать ораторомъ, въ кругу-ли знакомыхъ, на обѣдѣ, юбилеѣ и т. п. или излагать свои мысли письменно — для себя-ли или въ письмахъ къ разнымъ лицамъ. Всякій разъ какъ намъ предстоитъ показать свое искусство въ изложеніи мыслей, мы испытываемъ муки стыда. Случается, вамъ представляютъ молодого человѣка, о которомъ передаютъ чудеса: онъ съ университетскимъ образованіемъ, пишетъ прекрасные стихи, мило болтаетъ на многихъ европейскихъ языкахъ. Но вотъ ему нужно въ обществѣ разсказать какой нибудь простой случай, какое нибудь незначительное приключеніе въ немногихъ словахъ, и, о ужасъ! такая задача для него не по силамъ, онъ спотыкается на каждомъ словѣ, заикается и краснѣетъ. Онъ не знаетъ искусства излагать свои мысли!

Сколько писемъ бросаемъ мы не дочитавши только потому, что они написаны безтолково, а у насъ нѣтъ ни времени, ни охоты, ни возможности разбирать безсвязный лепетъ нашего корреспондента. А вѣдь онъ, можетъ быть, писалъ объ очень важномъ для него или для насъ дѣлѣ! А сколько времени тратимъ мы сами на написаніе простѣйшаго письма, сколько бумаги мы изводимъ, сотни разъ переправляя написанное, и въ концѣ концовъ отправляемъ письмо въ видѣ, насъ самихъ не удовлетворяющемъ, или, что чаще бываетъ, совсѣмъ его не посылаемъ. Я не могу безъ смѣха вспомнить о случаѣ съ однимъ изъ моихъ друзей, который однажды пришелъ ко мнѣ по дѣлу и не засталъ дома. Ему оставалось взять на столѣ бумагу, изложить въ двухъ словахъ свое дѣло (оно было несложное: онъ просилъ небольшую библіографическую справку) и уйти. Онъ такъ и рѣшилъ сдѣлать. Взялъ бумагу и началъ писать. Написавъ пять-шесть словъ, онъ, вѣроятно, нашелъ принятую имъ форму неподходящей, зачеркнулъ написанное и бросилъ бумагу подъ столъ. Затѣмъ

онъ взялъ второй листъ бумаги и опять сталъ писать. Такъ какъ написанное опять его не удовлетворило, то принялся писать на третьемъ, четвертомъ, пятомъ листѣ бумаги, обогащая мою корзину неудачными произведеніями своего пера. Наконецъ, увидѣвъ, что писаніе ему не дается, онъ принялъ героическое рѣшеніе: подождать меня и сообщить свое дѣло устно! Хорошо, что ему пришлось ждать всего нѣсколько часовъ, но его неумѣнье излагать свои мысли могло бы наказать его и гораздо сильнѣе. Не этому-ли неумѣнью излагать свои мысли должно приписать замѣчающееся въ Россіи сравнительно слабое развитіе корреспонденціи?

Иной думаетъ: важно, чтобы я зналъ что нибудь, а умѣю-ли я выразить то, что знаю,—вещь второстепенная. Конечно, знанія и мысли необходимы для всякаго. Безъ мысли самое блестящее умѣнье выражаться переходитъ въ пустую и безплодную софистику. Мы здѣсь и говоримъ объ искусствѣ излагать свои *мысли*, а если мыслей нѣтъ, то излагать нечего. Но мысль такъ тѣсно связана съ словомъ, что она лишь тогда можетъ считаться вполнѣ законченной, вполнѣ жизнеспособной, когда она воплощена въ формѣ слова. Безформенныя мысли,—блестки, метеоромъ пролетающіе въ нашей головѣ по всякимъ поводамъ,—не могутъ даже считаться мыслями, ибо онѣ не реальны, онѣ безплодны, онѣ пропадаютъ безслѣдно. Мысль становится мыслью лишь тогда, когда она вылилась въ формѣ слова, все равно, запечатлѣно-ли это слово на бумагѣ, или оно имѣется только въ нашей головѣ. Мы мыслимъ словами. Если можно говорить (вѣрнѣе сказать, болтать), не имѣя въ головѣ ни одной мысли, то мыслить безъ словъ нельзя. Одинъ философъ совершенно справедливо сказалъ: „нѣтъ языка безъ разума, нѣтъ и разума безъ языка". Только мысли, выраженныя въ формѣ словъ, являются истиннымъ нашимъ достояніемъ.

Мысля словами, мы доставляемъ уму нашему стройность и дисциплину, мы развиваемъ наше мышленіе. Вызубрите сотню тысячъ голыхъ фактовъ историческихъ, филологическихъ, математическихъ, затвердите тысячу самыхъ глубокихъ философскихъ изреченій,—вы этимъ не доставите мысли никакой пищи, вы не доставите уму никакого упражненія: вы прекрасно разовьете память, но умъ вашъ останется въ бездѣйствіи, мысль ваша нисколько не усовершенствуется. Но заставьте человѣка излагать своими словами какую либо мысль, заставьте его обработать эту мысль, дать ей самое точное выраженіе, какое онъ только можетъ найти для нея въ своемъ языкѣ; однимъ словомъ, заставьте его поработать надъ слогомъ, и умъ его получитъ такую пищу, какой вы ему не доставите никакими курсами логики или философіи. Ибо языкъ и мысль не отдѣлимы.

Такимъ образомъ, умѣть излагать свои мысли есть почти умѣть мыслить.

Но намъ возразятъ: если мысль такъ тѣсно связана съ словомъ, то недостаточно-ли умѣть мыслить, чтобы умѣть излагать

свои мысли, и не являются-ли въ такомъ случаѣ ваши совѣты потворствомъ пустой софистикѣ, стремящейся къ умѣнію искусно излагать подобіе мыслей? На это мы отвѣтимъ: Совѣты не могутъ сдѣлать философа или писателя, — это правда. Но одного природнаго дара здѣсь, какъ и на всѣхъ другихъ поприщахъ человѣческой дѣятельности, недостаточно: требуется еще умѣнье пользоваться этимъ даромъ, что достигается путемъ долговременнаго упражненія; совѣты, основанные на опытѣ цѣлаго ряда лицъ, продѣлавшихъ эти упражненія, могутъ избавить упражняющагося отъ непроизводительной работы, прямо направивъ его на путь истинный. Я не могу сказать, что вамъ говорить или писать, но, основываясь на изученіи образцовыхъ произведеній и на собственномъ опытѣ, могу сказать, какъ вамъ легче всего достигнуть своей цѣли, гдѣ и какъ вамъ собирать матеріалы, какъ съ этими матеріалами обращаться, какими средствами вы можете придать этимъ матеріаламъ наибольшую цѣлесообразность, словомъ, могу подѣлиться съ вами *техникой* писательскаго дѣла, насколько правила ея мнѣ самому знакомы.

ГЛАВА II. Строй сочиненія.

Всякое сочиненіе, письмо-ли это или философскій трактатъ, газетная-ли статья или повѣсть, рѣчь-ли ораторская или ученическое сочиненіе на заданную тему,—всякое сочиненіе слагается изъ трехъ элементовъ: 1) матеріала, 2) расположенія его и 3) изложенія.

О матеріалѣ (или содержаніи) мы здѣсь говорить не будемъ: этому вопросу мы посвятили особую главу въ третьемъ выпускѣ нашего труда: „Искусство писать сочиненія". Насъ интересуютъ только два послѣдніе элемента сочиненія: планъ и изложеніе.

Едва ли возможно выработать однообразные законы для плана и изложенія. Сочиненія составляются съ различными цѣлями и для различныхъ людей; въ зависимости отъ этого и должны видоизмѣнятся оба эти элемента. Только одно требованіе можетъ быть предъявляемо ко всѣмъ рѣшительно сочиненіямъ: на первомъ мѣстѣ должно поставить нѣчто, способное заинтересовать, захватить, читателя (конечно, того, который имѣется въ виду авторомъ).

Вотъ почему должно обращать серьезное вниманіе между прочимъ и на заглавіе сочиненія, которое прежде всего доходитъ до свѣдѣнія читателя. Отъ заглавія требуется не только точное и добросовѣстное опредѣленіе содержанія книги, но опредѣленіе ясное, рѣзко бросающееся въ глаза читателю и возбуждающее его любопытство. Въ заглавіи не должно быть ни одного лишняго слова, а самое главное слово его должно стоять на первомъ мѣстѣ. Если вы, напримѣръ, написали книгу о жизни, дѣятельности

и значенiи въ русской литературѣ Ломоносова, то ваша книга должна называться:

Ломоносовъ,

его жизнь, дѣятельность и значенiе въ русской литературѣ.

Всякое другое заглавiе, гдѣ слово „Ломоносовъ" не будетъ стоять на первомъ мѣстѣ, какъ напримѣръ; „Жизнь и дѣятельность Ломоносова" или: „Великiй русскiй писатель Ломоносовъ" и т. п. должны быть признаны заглавiями неудачными [1]). Иногда заглавiе слишкомъ обще, тогда требуется еще подзаголовокъ. Такъ напримѣръ, если сочиненiе называется: „Даръ Слова", то въ сущности говоря, неизвѣстно, о чемъ идетъ рѣчь въ этомъ сочиненiи: объ исторiи языка, о фонетическихъ законахъ языка или объ искусствѣ говорить. Во избѣжанiе всякихъ недоразумѣнiй ставится подзаголовокъ: „искусство излагать свои мысли".

Въ подзаголовкахъ указывается и на форму или общiй тонъ даннаго сочиненiя: романъ, разсказъ, повѣсть, поэма, этюдъ, эскизъ и т. д. Эти подзаголовки не совсѣмъ излишни, такъ какъ настраиваютъ читателя извѣстнымъ образомъ. Въ послѣднее время однакожъ погоня за оригинальностью породила разные, очень мало или ничего не выражающiе подзаголовки: „Наброски карандашемъ". „Изъ записной книжки никуда негоднаго человѣка" и т. п.

Въ настоящее время считаются устарѣвшими „скромныя" заглавiя, бывшiя въ ходу въ первой половинѣ XIX вѣка. Теперь уже не пишутъ цѣлыхъ сочиненiй подъ названiемъ: „Опытъ Исторiи", „О народной пѣснѣ", „Къ вопросу о томъ-то" и т. п., потому что во первыхъ и раньше-то сочиняли такiя заглавiя изъ одного приличiя, а не по убѣжденiю, а во-вторыхъ, при несовершенствѣ человѣческой природѣ всякая исторiя будетъ, строго говоря, „*опытомъ* исторiи", и всякое изслѣдованiе будетъ „*о чемъ* нибудь" или „*къ вопросу* о чемъ нибудь", такъ что подчеркивать это, указывать, что данное сочиненiе не есть то, чѣмъ никакое человѣческое сочиненiе быть не можетъ, совершенно лишнiй трудъ, тѣмъ болѣе, что критика относится одинаково строго и къ сочиненiю, озаглавленному „Народная пѣсня", и къ сочиненiю, озаглавленному „О народной пѣснѣ". Конечно, мы здѣсь говоримъ о цѣлыхъ сочиненiяхъ, разбирающихъ вопросъ съ различныхъ сторонъ, а не о мелкихъ статьяхъ и брошюрахъ, трактующихъ о какой либо одной сторонѣ вопроса.

Раньше чѣмъ перейти къ разсмотрѣнiю различныхъ способовъ расположенiя мыслей въ сочиненiи (плана его), мы должны коснуться одного условiя, необходимаго во всякомъ сочиненiи, а именно: въ немъ не должно быть никакихъ постороннихъ мыслей,

---

[1]) У восточныхъ народовъ и по сей день нѣтъ собственно заглавiй. Книги называются по первымъ словамъ текста, какъ современныя папскiя энциклики. У евреевъ библейскiя книги также называются по первымъ словамъ текста. Только греки и римляне поняли значенiе заглавiй и пользовались ими, какъ мы теперь, для возбужденiя интереса въ читателѣ.

не соотвѣтствующихъ цѣли сочиненія. Такъ какъ онѣ отвлекаютъ вниманіе читателя отъ основной мысли, то онѣ для сочиненія не только безполезны, но и вредны. Основная мысль сочиненія, которая выражена въ заглавіи, не должна упускаться изъ вида авторомъ ни на одну минуту; ею сочиненіе должно закончиться. Всѣ мысли, приводимыя авторомъ въ сочиненіи, должны группироваться вокругъ этой основной мысли, какъ планеты вокругъ солнца. Второстепенная мысль или побочный фактъ, приводимые въ сочиненіи, получаютъ свое право на существованіе лишь постольку, поскольку они подтверждаютъ основную мысль. Основная мысль сочиненія — это то же, что развязка романа, что заключеніе ораторской рѣчи. Подобно тому какъ романистъ не въ правѣ ни на одно мгновеніе упустить изъ виду развязку своего романа, даже заключительную катастрофу его, подобно тому какъ ораторъ можетъ забыть все, что угодно, только не заключеніе своей рѣчи, такъ авторъ всякаго сочиненія долженъ всегда помнить основную мысль свою и съ нею сообразовывать всѣ мысли второстепенныя. Конечно, если не должно быть лишняго, за то должно быть на лицо все необходимое. Старайтесь развить свою тему во всей полнотѣ и глубинѣ, не оставляя безъ освѣщенія ни одной стороны вопроса. А такъ какъ мысли приходятъ не сразу, а постепенно, по разнымъ поводамъ, въ теченіе большого промежутка времени, то пусть сочиненіе ваше вылеживается. Чѣмъ дольше оно будетъ лежать въ вашемъ портфелѣ, чѣмъ больше времени вы дадите себѣ на обдумываніе частностей, тѣмъ глубже и зрѣлѣе будетъ ваше сочиненіе. Самыми несовершенными работами и по содержанію и по стилю являются газетныя статьи: онѣ попадаютъ въ печать въ сыромъ и грубомъ видѣ. Если вы хотите, чтобы работа ваша была болѣе совершенна, держите ее у себя въ переписанномъ, готовомъ, законченномъ видѣ подольше, постоянно перечитывайте, передумывайте и исправляйте ее. И когда внутренній голосъ вамъ скажетъ, что больше измѣнять нечего, прочитайте ваше сочиненіе кому нибудь постороннему вслухъ, не скупясь при этомъ на исправленія, и только послѣ этого считайте его окончательно готовымъ.

Въ какомъ же порядкѣ должны быть располагаемы мысли сочиненія? Что онѣ не должны быть располагаемы въ безпорядкѣ, не должны быть нагромождаемы безъ всякой связи, а должны идти въ стройной послѣдовательности, безъ скачковъ, — разумѣется само собою. Весь вопросъ въ томъ, въ какой послѣдовательности располагать эти мысли. Есть сочиненія, гдѣ мы избавлены отъ рѣшенія этой чрезвычайно важной и трудной задачи — расположенія матеріала. Мы говоримъ объ оффиціальныхъ извѣщеніяхъ, докладахъ, рѣчахъ и т. п., форма которыхъ выработана долголѣтней практикой. Но въ другихъ случаяхъ авторъ располагаетъ матеріалъ по собственному соображенію. Онъ долженъ стараться, чтобы все сочиненіе представляло нѣчто единое, логически-связное, стройное, а не просто собраніе отрывочныхъ

мыслей, хотя бы и находящихся въ той или другой связи съ основной темой. Мысли должны быть располагаемы такъ, чтобы читателю не нужно было возвращаться къ прежнему и не нужно было знать того, о чемъ будетъ рѣчь впереди.

Было бы хорошо, если бы можно было предварительно разработать планъ сочиненія, какъ архитекторъ разрабатываетъ до постройки планъ своего зданія, но обыкновенно не весь планъ имѣется въ головѣ автора въ тотъ моментъ, когда онъ приступаетъ къ сочиненію. Планъ развивается постепенно по мѣрѣ обдумыванія темы, вынашиванія основной мысли. Вначалѣ набрасываются главныя мысли, составляющія остовъ будущаго сочиненія, потомъ къ нимъ примыкаютъ новыя мысли, новыя доказательства, новыя положенія и новые случаи. Все это постепенно углубляется, обрабатывается, разсматривается съ различныхъ сторонъ, сортируется, пока авторъ не почувствуетъ себя готовымъ выступить предъ публикой съ этими мыслями. Тогда начинается мучительный процессъ отбора: безпощадно отбрасывается все то, что отбросу подлежитъ, всякія излишества, отступленія и увлеченія за предѣлы плана; затѣмъ отдѣльныя части округляются и приводятся къ соразмѣрности. Теперь остается расположить все это въ извѣстномъ порядкѣ, отшлифовать слогъ,—и сочиненіе готово.

Самое необходимое условіе при правильномъ расположеніи матеріала,—это имѣть въ виду читателя. Авторъ долженъ умѣть угадывать, что можетъ произвести на читателя наиболѣе сильное впечатлѣніе; онъ долженъ умѣть ставить себя на мѣсто читателя. Очень хорошо предполагать читателя совершенно не знающимъ предмета сочиненія и постепенно вводить его въ суть вопроса. Въ доказательствахъ научныхъ переходятъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, отъ легкаго къ трудному. Если автору важно пробудить къ своему сочиненію интересъ у читателя, то онъ на первомъ мѣстѣ долженъ поставить наиболѣе важное и примѣчательное.

Поясنимъ это на примѣрѣ: положимъ, что требуется разсказать извѣстную сказку о сѣренькомъ козликѣ, которому вздумалось погулять въ лѣсу и котораго, какъ извѣстно, съѣли сѣрые волки. Если вы въ шутку хотите разсказать этотъ случай, какъ послѣднюю новость дня, вы должны будете изложить его такъ: „Сѣренькій козликъ былъ съѣденъ сегодня волками въ такомъ то лѣсу. Ему пришла въ голову безумная мысль погулять въ лѣсу, хотя дома онъ пользовался заботливымъ уходомъ очень любившей его бабушки. Въ лѣсу на него напали кровожадные волки и съѣли его цѣликомъ, оставивъ бабушкѣ рожки да ножки. Горе бабушки не поддается описанію“. Можете закончить нравоученіемъ объ опасности прогулокъ въ лѣсу, наполненномъ волками, и о пагубности непослушанія.

Если хорошенько разсмотрѣть планъ этого разсказа, то увидимъ, что разсказъ ведется не въ порядкѣ событій, а какъ разъ наоборотъ: на первомъ мѣстѣ постановлено то, что случилось на

самомъ концѣ. Почему это сдѣлано, — понятно. Вашихъ слушателей интересуетъ больше фактъ съѣденія козлика волками, чѣмъ то, что его бабушка любила, и что онъ отправился въ лѣсъ погулять.

Другое расположеніе матеріала вы должны избрать, если разсказываете это какъ историческій фактъ. Историческій разсказъ долженъ вестись прагматически, вы должны рельефно выставить причины и слѣдствія. Въ этомъ случаѣ вы должны будете начать съ начала, т. е. съ момента покупки бабушкой козлика.

На урокѣ этики ни первое, ни второе расположеніе не годится. Здѣсь вы должны предполагать, что ваши слушатели интересуются нравственнымъ элементомъ разсказа. Поэтому вы должны будете прежде всего указать на пагубность непослушанія, а затѣмъ уже, въ качествѣ примѣра, привести исторію съ козликомъ, не забывая при этомъ подчеркнуть любовь къ нему бабушки, какъ обстоятельства, усугубляющаго его вину.

Что касается формы изложенія, то нужно помнить, что описательная статья никогда не привлекаетъ столько вниманія, сколько живой разговоръ, поэтому весьма полезно вводить въ свое сочиненіе драматическій элементъ въ формѣ разговора дѣйствующихъ лицъ или размышленія, ведущагося отъ имени дѣйствующаго лица, или даже въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ отъ имени самого автора [1]).

Въ сочиненіи, излагаемомъ письменно, авторъ не долженъ забывать и зрительныхъ впечатлѣній читателя. Нѣтъ ничего скучнѣе сочиненія, напечатаннаго сплошь на протяженіи нѣсколькихъ страницъ безъ единой „красной строки“ [2]). Красная строка—это мѣсто отдохновенія читателя. Если на новой главѣ вы даете ему возможность разстаться съ вашей книгой до другого раза (почему главы не должны быть слишкомъ длинны, дабы удобнѣе читателю было распредѣлять чтеніе), то на красной строкѣ вы ему даете возможность отдохнуть, собраться съ мыслями, обдумать и провѣрить прочитанное. Не утомляйте его вниманія слишкомъ длинными абзацами!

---

[1]) Очень полезное упражненіе составляетъ *драматизація* прозаическаго разсказа, если это не описаніе. Для этого можно взять любое „происшествіе“ изъ газетъ, и развить тему драматически, т. е. влагая въ уста каждому изъ дѣйствующихъ лицъ соотвѣтствующія его характеру слова, постепенно ведущія ихъ къ развязкѣ Здѣсь существуетъ два способа, путемъ которыхъ можно подвигаться къ цѣли—это: изученіе образцовъ (драматическихъ частей другихъ сочиненій, какъ-то: разговоровъ въ повѣстяхъ, романахъ и др.) и изученіе жизни. Оба способа обязательны. Изученіе образцовъ состоитъ не только въ чтеніи ихъ, хотя бы и внимательномъ, но и подражаніи: изложите какое нибудь явленіе жизни (какъ ссора, сдѣлка, сообщеніе) по образцу даннаго сочиненія. Изученіе жизни состоитъ въ наблюденіи жизни окружающихъ людей, записываніи разговоровъ, особенныхъ положеній, выдающихся характеровъ.

[2]) Названіе это произошло отъ того, что въ старину первое слово или первую букву новой статьи или абзаца писали красными чернилами или киноварью.

Немалое искусство требуется для умѣлаго дѣленія сочиненія на абзацы, которые должны быть приблизительно равномѣрны, какъ должны быть соразмѣрны и всѣ части сочиненія. Каждый абзацъ есть маленькая самостоятельная статья, которая могла бы имѣть отдѣльное заглавіе. Такъ напримѣръ, тотъ абзацъ, который вы теперь читаете, можетъ быть озаглавленъ: „о красныхъ строкахъ". Правда, твердыхъ правилъ для дѣленія на абзацы не существуетъ. Различные авторы сдѣлаютъ различныя дѣленія одной и той же статьи. Можно каждый обзацъ раздѣлить на нѣсколько болѣе мелкихъ абзацовъ и т. д. до безконечности. Но лучше всего сообразоваться съ слѣдующимъ правиломъ: дѣлайте красную строку всякій разъ, какъ переходите къ новому пункту въ аргументаціи, но пусть вашъ абзацъ не будетъ длиннѣе двадцати строкъ или 200 словъ.

Относительно подчеркиванія главныхъ мыслей (изображаемыхъ въ печати *курсивомъ* или шпаціями) можно, пожалуй, напомнить афоризмъ Козьмы Пруткова: „Умныя рѣчи подобны строкамъ, напечатаннымъ курсивомъ". Все сочиненіе должно состоять изъ умныхъ рѣчей, достойныхъ курсива. Выдѣляя внѣшнимъ образомъ свои умныя мысли, вы этимъ лишаете достоинства всѣ прочія мысли вашего сочиненія; слѣдовательно, курсива вообще должно избѣгать. Предполагайте, что читатель самъ въ состояніи опредѣлить, гдѣ самое главное. Допускается курсивъ не для подчеркиванія умныхъ мыслей, а только чтобы обратить вниманіе читателя на то или другое слово въ предложеніи. Напримѣръ: приводя примѣры ошибочнаго употребленія тѣхъ или другихъ словъ, можно подчеркнуть ошибочныя слова, дабы избавить читателя отъ поисковъ.

ГЛАВА III. Слогъ.

Къ рѣчи сочиненія предъявляются слѣдующія требованія: она должна быть во-1) правильна, ясна и благозвучна, что ни въ какихъ доказательствахъ не нуждается, а во-2) оригинальна и сжата (содержательна), что ниже и будетъ доказано.

Чтобы рѣчь была правильная, авторъ долженъ знать не только языкъ, на которомъ онъ пишетъ, онъ долженъ знать правила этого языка, его грамматику. Можно ли писать правильно, не зная грамматики? Если жить и вращаться въ обществѣ людей, говорящихъ грамматически правильно, то можно научиться правильно пользоваться словами и безсознательно. Но знанія наши не будутъ полны, если мы не изучимъ грамматики. Для того, чтобы въ совершенствѣ овладѣть рѣчью, нужно знать всѣ сокровенныя взаимоотношенія словъ и выраженій, подобно тому какъ механикъ, желающій построить машину, долженъ непремѣнно знать всѣ отношенія составныхъ частей машины. Такое знаніе дается теоріей языка, грамматикой. Грамматика не научаетъ говорить и писать, она научаетъ насъ сознательно относиться къ

рѣчи и правильно пользоваться формами ея; благодаря ей мы отдаемъ себѣ отчетъ, почему такое построеніе правильно, а такое неправильно; благодаря ей мы сразу отыскиваемъ неправильность въ рѣчи, и по законамъ, ею выработаннымъ, мы эту неправильность легко исправляемъ. Есть случаи, когда человѣкъ, не знающій грамматики, будетъ постоянно сбиваться, такъ какъ онъ бродитъ въ потемкахъ, и будетъ безпомощенъ, ибо нѣтъ у него твердой опоры.

Мы здѣсь не пишемъ грамматики; наоборотъ, мы предполагаемъ въ нашихъ читателяхъ полное знаніе грамматическихъ правилъ. Мы настоятельно совѣтуемъ имѣть въ своей библіотекѣ (рядомъ съ другими учебниками) грамматику, почаще справляться въ ней и вообще освѣжать въ памяти ея правила. Не мѣшаетъ также слѣдить за учебной литературой и отъ времени до времени замѣнять свои старые грамматическіе учебники новыми, если эти удачнѣе или полнѣе. Такое руководство, какъ „Русское Правописаніе“ Грота, должно быть на столѣ рѣшительно у всякаго пишущаго. Къ учебнымъ книгамъ, знакомство съ которыми обязательно для каждаго автора, принадлежитъ „Теорія Словесности“. Стилистика указываетъ тѣ средства, благодаря которымъ рѣчь достигаетъ наибольшей цѣлесообразности, удовлетворяя требованіямъ ума, воображенія, душевнаго настроенія и эстетическаго вкуса. Поэтому „Стилистика“ такъ же необходима для пишущаго, какъ и Грамматика.

Здѣсь мы укажемъ на нѣкоторыя выраженія, которыя часто заставляютъ призадуматься пишущихъ. Не говорите: „Преподавая два или болѣе *языковъ*“. „Одинъ или два подобныхъ *уроковъ*“, „Я не могу входить въ подробности за и противъ *этого выбора*“. Говорятъ: Три взрослыхъ юноши сосѣднихъ разсуждали (Крыл.). Цѣлыхъ три лѣтнихъ дня *прошло*. Цѣлые три лѣтніе дня *прошли*. Тѣ два голубя прилетѣли (кто?). Тѣхъ пять голубей прилетѣло (сколько?). Та тысяча человѣкъ, тѣ сто человѣкъ. Девять человѣкъ дѣтей. Глупый да малый все напрямки *выляпаютъ*; и тотъ и другой *выляпаетъ*. Большинство голосовъ *было* за проектъ. Большая часть гостей *была* во фракахъ. Не говорите: „На немъ былъ одѣтъ кафтанъ; выглядитъ очень бодро“, когда нужно сказать: „*онъ былъ въ кафтанѣ; глядитъ* (или: смотритъ) *очень бодро*“. Не говорите: „Если бы вы рѣшились *бы* ѣхать“. „Вошедши въ комнату, мнѣ захотѣлось ѣсть“ [1]).

---

[1]) Противъ этого грамматическаго правила, по которому подлежащее сокращеннаго придаточнаго предложенія должно быть одинаково съ подлежащимъ главнаго предложенія, грѣшатъ подчасъ лучшіе наши писатели, да и народный языкъ этого правила не знаетъ. Нужно однако остерегаться нарушенія его, разъ оно принято въ грамматику. Вмѣсто приведеннаго въ текстѣ примѣра должно бы сказать: „вошедши въ комнату, я захотѣлъ ѣсть“, потому что здѣсь подлежащее сокращеннаго предложенія — „я“ („когда *я* вошелъ въ комнату“). Ср. у Крылова: „Хоть я и не пророкъ, но *видя* мотылька, что онъ вокругъ свѣчки вьется, *пророчество* почти всегда мнѣ удается“.

Слогъ ясенъ, когда читатель безъ труда понимаетъ мысль автора. Плохо составлено то предложеніе, которое должно читать дважды. Причина этого лежитъ или въ томъ, что авторъ самъ не вполнѣ уяснилъ себѣ, что онъ хочетъ сказать, или что онъ не точно мыслитъ, т. е. не умѣетъ строго разграничивать понятія, или что онъ небреженъ, пропускаетъ отдѣльные элементы мысли, предполагая въ читателѣ способность восполнить недосказанное. Неясности (или темнотѣ) слога особенно часто способствуетъ неправильное расположеніе словъ въ предложеніи, хотя бы само предложеніе, съ грамматической точки зрѣнія, было вполнѣ правильно. Напримѣръ, у Батюшкова мы находимъ такой оборотъ: „ревъ источника, образованннаго снѣгомъ, который стрѣлой протекаетъ по каменному дну скалъ“. Здѣсь слѣдовало бы сказать: ревъ образованнаго снѣгомъ источника, который стрѣлою протекаетъ... Благодаря простой перестановкѣ предложеній всякая неясность исчезаетъ. У Гончарова встрѣчается такой оборотъ: „если бъ не прислоненная къ постели трубка или самъ хозяинъ, лежащій на ней, то можно было бы подумать, что тутъ никто не живетъ“. Такъ какъ въ первомъ предложеніи упоминается два предмета женскаго рода—постель и трубка, то неизвѣстно: лежитъ ли хозяинъ на постели или на трубкѣ. Иногда перестановка предложеній или измѣненіе оборота для большей ясности представляетъ нѣкоторыя затрудненія; въ этомъ случаѣ указываютъ въ скобкахъ подразумѣваемое подъ мѣстоименіемъ слово или просто повторяютъ это слово; такъ, напримѣръ, пишутъ: „если бы не прислоненная къ постели трубка, или самъ хозяинъ, лежащій на ней (постели), то можно было бы подумать“... или: „если бы не прислонённая къ постели трубка, или самъ хозяинъ, на этой постели лежащій, то можно было бы подумать“... Благодаря этому неясность исчезаетъ, но за то слогъ выходитъ неряшливымъ, недостаточно обработаннымъ. Много способствуетъ неясности пропускъ отдѣльныхъ словъ (особенно опредѣлительныхъ) въ предложеніи, одни и тѣ же мѣстоименія, подъ которыми разумѣются различныя лица, и нагроможденіе одинаковыхъ падежей и придаточныхъ предложеній, равно какъ длинные періоды. Напримѣръ: „Опечаленные сдѣланнымъ имъ начальникомъ замѣчаніемъ они ушли домой“. „Здѣсь имѣются всѣ данныя для уразумѣнія поэтическаго сравненія человѣческаго поведенія съ прохожденіемъ по тѣсной улицѣ“. Въ послѣднихъ примѣрахъ неясность граничитъ съ неблагозвучіемъ рѣчи.

Неясно и неточно (двусмысленно) такое предложеніе: „Онъ другихъ несчастнѣе себя почитаетъ“, потому что здѣсь неизвѣстно, онъ ли считается несчастнѣе другихъ, или другіе несчастнѣе его. Авторъ хотѣлъ сказать: онъ почитаетъ себя несчастнѣе другихъ. Не совсѣмъ ясно предложеніе. „Мать любитъ дочь“. Неясность исчезаетъ, если мы замѣнимъ дѣйствительный оборотъ страдательнымъ и скажемъ: дочь любима матерью, или: мать любима дочерью.

Едва ли можно перечислить всѣ условія, дѣлающія рѣчь

неясной. Обыкновенно указываютъ на: иностранныя слова *(варваризмы)*, слова областныя *(провинциализмы)* и слова устарѣвшія *(архаизмы)*.

Многіе нападаютъ на варваризмы, полагая, что они искажаютъ родную рѣчь. Но едва ли такой взглядъ справедливъ во всѣхъ отношеніяхъ. Иностранныя слова лишь тогда вредятъ языку, когда они остаются иностранными, т. е. непонятными большинству читателей. Таковы сравнительно рѣдко употребляющіяся слова, какъ презумпція, антиномія, ингредіентъ, реабилитація и т. п., которыя умѣстны только въ спеціальныхъ сочиненіяхъ. Но если слово, хотя бы иностраннаго происхожденія, принялось на русской почвѣ, вошло во всеобщее употребленіе, то нѣтъ рѣшительно никакихъ причинъ изгонять его. Это прибыль языка, а не убытокъ, ибо вмѣстѣ съ новымъ словомъ языкъ получаетъ новое понятіе. Чужое не вытѣсняетъ своего, а, наоборотъ, облегчаетъ его службу. Когда являются два однозначащихъ слова, одно заимствованное, а другое свое, то сейчасъ же устанавливается оттѣнокъ между ними, напр. профессоръ и учитель. Такимъ образомъ языкъ не бѣднѣетъ отъ этого, а богатѣетъ. Кромѣ того, иностранное слово даетъ намъ возможность видоизмѣнять выраженія, разнообразить нашу рѣчь, ибо одно и то же выраженіе не должно повторяться на одной и той же страницѣ Безумно бросать свое богатство во имя мнимой чистоты рѣчи. Конечно, есть не мало плохихъ писателей, которые безъ толку заимствуютъ иностранныя слова, оставляя ихъ не переведенными; иные даже щеголяютъ этимъ, думая блеснуть образованностью, на самомъ же дѣлѣ они обнаруживаютъ только незнаніе родного языка, неумѣнье отыскать въ немъ подходящее слово. Но бояться вслѣдствіе этого за судьбу языка, едва ли разумно. Языкъ—это нѣчто живое, постоянно прогрессирующее, развивающееся. Совсѣмъ ненужное слово будетъ извергнуто вонъ безъ всякихъ усилій съ нашей стороны. Прослѣдимъ вкратцѣ исторію русскаго языка, и мы увидимъ, какую значительную—и въ общемъ благотворную—роль играли заимствованія извнѣ.

На зарѣ русской исторіи, въ XI вѣкѣ, древній греческій языкъ открылъ русскому сокровищницу своего лексикона, далъ ему законы своей грамматики, свои обороты, величественное теченіе мысли. Греческій языкъ оказалъ великую услугу русскому, избавивъ его отъ медленныхъ усовершенствованій. Переводчики переводили съ греческаго буквально и этимъ проложили путь дальнѣйшимъ литературнымъ работамъ. Правда, это былъ языкъ книжный, но кто станетъ отрицать медленное, но вѣрное вліяніе книжнаго языка на живую народную рѣчь? Такъ продолжалось семь вѣковъ. Въ эпоху Петра Великаго, когда русское общество, вступая въ среду европейскихъ народовъ, усиленно занялось подраженіемъ иностраннымъ образцамъ, языкъ засорился безчисленнымъ множествомъ словъ нѣмецкихъ, голландскихъ, шведскихъ, французскихъ. Цѣлый потокъ новыхъ понятій ворвался

въ русскую мысль. Новыя понятія требовали выраженій, а ихъ въ языкѣ не было. Оставалось или придумывать новыя слова или заимствовать готовыя изъ иностранныхъ языковъ. Послѣдній путь, какъ наиболѣе легкій и естественный, и былъ принятъ въ то время Для насъ теперь кажутся смѣшными эти иностранныя слова, написанныя русскими буквами, а между тѣмъ въ нихъ была историческая необходимость.

Вотъ образчикъ слога начала XVIII вѣка:

„Генералъ-адмиралъ или аншефъ командующій есть репрезентація своего государя, которому должны быть всѣ послушны, во всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, которыя къ пользѣ государя и государства касаются, съ достойнымъ респектомъ его персоны. Ему подобаетъ быть храбру и добраго кондуиту, котораго бы квалитеты съ добродѣяніемъ были связаны“ (Морской уставъ 1720).

Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи языкъ нашъ подпадаетъ вліянію французскому. Онъ заимствуетъ гибкость, отчетливость и красоту французскаго языка. Это касается не только отдѣльныхъ словъ, но и всего строя рѣчи, характера предложеній. Далѣе въ образованіи отдѣльныхъ словъ наступаетъ реакція. Люди зашли слишкомъ далеко. Русская рѣчь, испещренная множествомъ варваризмовъ, перестала казаться русской. Тогда начинаютъ составлять слова путемъ перевода съ иностранныхъ языковъ. Появляется масса словъ и оборотовъ, обманывающихъ своимъ русскимъ видомъ. Это тѣ же варваризмы, но поступившіе въ службу къ русскому языку въ русской одеждѣ [1]).

Что же стало со всѣми этими пришельцами? Одни отлично принялись на русской почвѣ, обрусѣли, другіе, очевидно, менѣе жизнеспособные, безслѣдно исчезли изъ языка, какъ ненужные наросты [2]). Языкъ уже сдѣлалъ свой отборъ, и намъ нечего искусственно очищать нашу рѣчь отъ чужихъ словъ. Ибо, если быть послѣдовательнымъ, нужно выбросить изъ языка не только слова явно иностраннаго происхожденія, какъ: штука, солдатъ, офицеръ, архіерей, но и слова, замаскированныя русскими звуками, какъ: естественный, качество и всѣ приведенные выше переводы съ иностранныхъ нарѣчій.

Много общаго съ варваризмами имѣютъ и областныя слова, провинціализмы, ибо для большинства читателей они являются такими же иностранными словами, какъ и варваризмы. Избѣгать должно и архаизмовъ, словъ и выраженій устарѣлыхъ. Къ арха-

---

[1]) Тредьяковскому принадлежатъ слѣдующія слова: естественность, разумность, достовѣрность, очертаніе, общество, предметъ, дѣятельный. Карамзину принадлежатъ слова: промышленность, трогательно, переворотъ, развитіе, утонченный, занимательный, туземецъ, одушевленіе, мѣстность, впечатлѣніе и проч.

[2]) Трудно сказать, почему одно слово принялось, а другое нѣтъ. Здѣсь много зависитъ и отъ времени изобрѣтенія даннаго слова, и отъ личности изобрѣтателя, и отъ формы самаго слова. Выдумываемыя въ настоящее время слова для замѣны иностранныхъ (*неологизмы*) едва ли имѣютъ будущность, такъ какъ прошла пора обновленія нашего языка.

измамъ принадлежатъ главнымъ образомъ славянизмы, какъ напримѣръ: токмо, понеже, поелику, купно, пріятство, прилагательныя съ усѣченными окончаніями („*коварна* злоба трепетала") и т. п.

Нужно однако помнить, что перечисленныя особенности языка далеко не всегда недостатки. Иногда они у мѣста, нужно только имѣть въ виду, что вы пишете и для кого пишете. Употребленіе варваризмовъ, даже не очень употребительныхъ, въ качествѣ терминовъ въ спеціальномъ сочиненіи нисколько не вредитъ ясности языка, наоборотъ, вы затемните свой языкъ, если вздумаете замѣнить всѣ термины-варваризмы словами менѣе точными, но болѣе употребительными въ обыкновенной рѣчи. Провинціализмы, какъ и архаизмы, употребляются для характеристики мѣста, времени и среды. Напримѣръ, у Гоголя въ описаніи малорусской жизни встрѣчается очень много малороссійскихъ словъ, но они не только не вредитъ цѣли сочиненія, а наоборотъ, способствуетъ ей, придавая сочиненію мѣстный колоритъ. Совсѣмъ другое было бы, если бы кто вздумалъ въ сочиненіи, не имѣющемъ никакого отношенія къ Малороссіи, употреблять тѣ малороссійскія слова, которыя имѣются у Гоголя.

То же самое должно сказать и объ архаизмахъ. Самъ Пушкинъ не останавливался предъ архаизмами, когда они входили въ цѣли автора. Много архаизмовъ имѣется, напримѣръ, въ предисловіи къ Повѣстямъ Бѣлкина, гдѣ Пушкинъ старается сохранить характеръ слога начала XIX вѣка. Прежнее заглавіе „Бориса Годунова" гласило: „Комедія о настоящей бѣдѣ Московскому Государству, о царѣ Борисѣ и Гришкѣ Отрепьевѣ. Писалъ рабъ Божій Александръ сынъ Сергѣевъ Пушкинъ, въ лѣто 7333, на городищѣ Вороничѣ". Говоря, напримѣръ, о Тредьяковскомъ, можно сказать: „сей профессоръ элоквенціи, паче же хитростей піитическихъ", потому что такъ подписывался Тредьяковскій, но нельзя такъ называть современную намъ личность [1]).

Для большей ясности писатели часто употребляютъ параллелизмы, плеоназмы и тавтологіи. Употребленіе ихъ, строго говоря, едва ли можетъ быть допустимо по правилу: „всякое лишнее слово въ рѣчи есть ошибка". Но параллелизмы, плеоназмы и тавтологіи очень часто встрѣчаются и въ живой рѣчи и у лучшихъ писателей. На параллелизмѣ основана вся библейская поэзія, напримѣръ, Псалмы, Притчи. „Зачѣмъ мятутся народы, и племена замышляютъ тщетное? Возстаютъ цари земли, и князья совѣщаются вмѣстѣ противъ Господа и противъ помазанника Его. „Расторгнемъ узы ихъ и свергнемъ съ себя оковы ихъ". Живущій на небесахъ посмѣется, Господь поругается имъ (Пс. 2). „Сынъ мой! если ты примешь слова мои и сохранишь при себѣ заповѣди мои... если будешь призывать знаніе и взывать къ разуму, если будешь искать его, какъ серебро, и отыскивать его, какъ сокровище, — то уразумѣешь страхъ Господенъ и найдешь познаніе о Богѣ (Притч. 2). Параллелизмовъ много въ народномъ

[1]) Архаизмы употребительны въ *ироническомъ* оборотѣ рѣчи.

эпосѣ: „А и крѣпокъ татаринъ—не ломится, жиловатъ, собака—не изорвется". Параллелизмы встрѣчаются и въ живой рѣчи. Напр., Пушкинъ въ одномъ письмѣ пишетъ: „Зарѣзала меня цензура! Я не властенъ сказать, я не долженъ сказать, я не смѣю сказать: *сй дней* въ концѣ стиха". Параллелизмы даютъ возможность округлить мысль, не прибѣгая къ тяжеловѣсному нагроможденію придаточныхъ предложеній, даютъ возможность удержать вниманіе читателя, замедляя изложеніе. Параллелизмы играютъ въ рѣчи роль курсива: вы ими подчеркиваете извѣстныя мысли [1]).

Такую же роль играютъ и плеоназмы. Говорятъ, напримѣръ: „я видѣлъ это *своими собственными глазами*". „Во всей книгѣ я нашелъ *одну единственную* ошибку". „Насъ было *всего только* (или: всего-на-все, ошибочно: „всего-на-всего") шесть человѣкъ". Къ плеоназмамъ должно въ сущности причислить и такъ называемые „украшающіе эпитеты", какъ „синее" море, „бѣлый" день. У Крылова встрѣчается: „Когда бы *вверхъ* могла *поднять* ты рыло". У Жуковскаго: „Но имъ *назадъ* не воротиться".—Благодаря тавтологіи мысль автора пріобрѣтаетъ иногда извѣстную энергичность. Такъ напримѣръ, у Гоголя встрѣчаются такія тавтологіи: „Дымомъ дымится подъ тобою (тройкою) дорога". „Воспитанный полуиностраннымъ воспитаніемъ". Употребительны обороты: кричать великимъ крикомъ; скажите, не утайте; малъ-невеликъ. Но нужно избѣгать плеоназмовъ безцѣльныхъ въ родѣ приводящихся обыкновенно въ Теоріяхъ Словесности: „Всеобщая любовь всѣхъ людей". „Въ числѣ гостей были слѣдующія лица, а именно:" Невѣрно также говорятъ о „похоронахъ *покойнаго* Иванова".

Ясности рѣчи много способствуютъ знаки препинанія. Это одно изъ величайшихъ изобрѣтеній человѣческаго ума, дающее намъ возможность проникнуть въ самую глубь мысли автора. Въ первое время книгопечатанія было только три знака: запятая, двоеточіе и точка. Скобки ( ) [ ] существовали до изобрѣтенія книгопечатанія, но въ употребленіе вошли гораздо позднѣе. Знаки: вопросительный (?), восклицательный (!) и кавычки („ ") изобрѣтены недавно [2]). Такъ какъ одна изъ задачъ автора,—

[1]) Составленіе параллелизмовъ есть очень хорошее упражненіе для придачи языку гибкости. Особенно это важно ораторамъ (см. „Даръ Слова" вып. IV). Ораторъ долженъ умѣть выпутаться изъ всѣхъ положеній, принятыхъ его рѣчью благодаря тому или другому обороту; только тогда рѣчь его будетъ течь плавно, и ему не нужно будетъ прибѣгать къ исправленію сказаннаго, напр. къ измѣненію употребленнаго падежа, предлога и т. п. Обширный выборъ сходныхъ по смыслу выраженій данъ въ нашемъ ***„Словарѣ русскихъ синонимовъ и сходныхъ по смыслу выраженій"***. Упражняющійся беретъ любую статью изъ хрестоматіи и подставляетъ по Словарю новыя слова и новые обороты, выражающіе приблизительно то же самое.

[2]) Полагаютъ, что ? есть сокращенное латинское Quaestio („вопросъ"), которое писалось такъ: Q̥. Въ древности роль вопросительнаго знака играла точка съ запятою. Восклицательный знакъ (!), по предположенію ученыхъ есть латинское Io („o! ахъ!"—восклицаніе печали или радости), которое писалось такъ: I̥. Всѣ остальные знаки придуманы искусственно.

чтобы мысль его была въ совершенствѣ понята читателями, то онъ не долженъ брезгать знаками, облегчающими правильное чтеніе. Правила употребленія знаковъ препинанія должны быть изучены досконально (они довольно подробно изложены въ „Русскомъ Правописаніи“ Грота). Нельзя брезгать и знакомъ ударенія, который употребляется для различенія словъ, имѣющихъ одинаковое начертаніе (напр. замо̀къ и за̀мокъ) или для означенія выговора малоизвѣстнаго слова, областного или иноязычнаго. Особенно часто этотъ знакъ употребляется для отличія мѣстоименія *что̀* отъ союза *что*. Для тѣхъ же цѣлей служитъ начертаніе *ё*, напримѣръ *нёбо* въ отличіе отъ *небо*.

Точенъ слогъ тогда, когда читатель понимаетъ мысль автора именно такъ, какъ понималъ ее самъ авторъ. Примѣры неточностей слога можно найти у самыхъ лучшихъ писателей. Есть слова, имѣющія по нѣскольку значеній, такъ называемые, *омонимы*. Они часто употребляются тогда, когда авторъ нарочно хочетъ сдѣлать свою рѣчь неточной, двусмысленной. На этомъ основана игра словъ, каламбуры. Вотъ, напримѣръ, каламбуръ изъ Некрасова:

Впередъ играть рѣшительно
Не буду въ преферансъ!
Я—правилами строгъ!
Въ немъ „взятки брать“ приходится.
Избави меня Богъ!

Такихъ двусмысленныхъ словъ и выраженій въ русскомъ языкѣ довольно много: авторъ, употребляя омонимъ, долженъ обставить его такъ, чтобы у читателя не могло быть никакихъ недоразумѣній [1]). О *синонимахъ*, отъ правильнаго употребленія которыхъ и зависитъ главнымъ образомъ точность языка, рѣчь впереди.

Важнымъ условіемъ хорошаго слога является благозвучіе. Слогъ долженъ быть легокъ для выговора и пріятенъ для слуха. Трудно изложить въ немногихъ словахъ всѣ правила благозвучія, тѣмъ болѣе что каждый языкъ имѣетъ свои особыя требованія, и то, что благозвучно для русскаго уха, можетъ оказаться неблагозвучнымъ для нѣмца [2]) и наоборотъ. Неблагозвучны длинныя слова съ удареніями на четвертомъ или пятомъ слогѣ отъ начала или конца, какъ напримѣръ: глубокомысленнѣйшее. Стеченіе такихъ

---

[1]) Вотъ образцы омонимовъ: *носъ*—у человѣка и животныхъ, у корабля, у посуды; носикъ чайника. *Коса*—заплетенные волосы, земледѣльческое орудіе и полоса земли, вдающаяся въ море. *Провести* — обмануть и вывести къ цѣли. Существуютъ омонимы съ прямо противоположными значеніями, напр.: безцѣнный (дорогой и нецѣнный), запамятовать (запомнить и забыть), отказать (кому что и кому въ чемъ). Сюда же можно отнести и ироническія образованія какъ: умникъ, честить и др.

[2]) Даже въ одномъ и томъ же языкѣ извѣстныя слова кажутся неблагозвучными независимо отъ своего фонетическаго состава. Извѣстно, напримѣръ, что Пушкинъ въ поэмѣ „Полтава“ окрестилъ дочь Кочубея Маріей, находя ея настоящее имя, Матрена, неблагозвучнымъ для героини поэмы. Что касается

словъ дѣлаетъ рѣчь крайне тяжелой. „Глубокомысленнѣйшіе естествоиспытатели, усовершенствовавшіеся въ наукахъ“... „Благодарные иноплеменники наименовали знаменитѣйшаго побѣдителя мироздателемъ, свободовозстановителемъ“. Предложеніе неблагозвучно, когда логическое удареніе находится въ немъ слишкомъ далеко отъ начала или отъ конца. Напримѣръ: „мы всѣ долговременными трудами и неусыпнымъ бдѣніемъ пріобрѣтенныя богатства знанія дѣтямъ нашимъ преподадимъ въ наслѣдство“. „Сегодня утромъ, лишь только первые лучи солнца показались на краю горизонта, тѣнистыя рощи огласились пѣніемъ птицъ, и заботливый крестьянинъ, понукая свою кляченку, отправился на ниву, я вышелъ въ садъ“. Иногда неблагозвучіе получается отъ повторенія однихъ и тѣхъ же словъ въ предложеніи или отъ нагроможденія придаточныхъ предложеній. Напримѣръ: „солдаты, которые подошли къ непріятелю, которому не дали объ этомъ знать лазутчики, сдѣлали залпъ“. „Снѣга такъ велики, что для того, чтобы очистить дорогу въ церковь, разгребаютъ снѣгъ на двѣ стороны, которыя такъ высоки, что кажется, какъ будто идешь между двумя снѣжными горами“. Неблагозвучіе получается отъ стеченія многихъ гласныхъ или согласныхъ. Напримѣръ: „бываю я и у отца ея и у ея дяди“. „При препровожденіи времени въ забавахъ забываются обязанности“. „Вдругъ вновь мнѣ мысль представилася та же“. „Въ встрѣчѣ“. „Съ взрывомъ“. „Эта-то татарка и привлекла мое вниманіе“. „Широка рѣка, какъ Ока.—Какъ, какъ Ока?“

На законѣ о благозвучіи построены такъ называемыя скороговорки, т. е. реченія, трудныя для произношенія. Напримѣръ: „Въ одинъ, Климъ, клинъ колоти“. „Отъ топота копытъ пыль по полю несется“.

Для благозвучія краткія предложенія и слова должны чередоваться съ длинными. Длинныя предложенія вообще должны быть избѣгаемы. Помните правило: два короткихъ предложенія лучше одного длиннаго. Этого требуетъ не только благозвучіе, но и ясность языка, такъ какъ гораздо легче прослѣдить мысль, выраженную короткими сентенціями, нежели выраженную цѣлымъ лабиринтомъ придаточныхъ подчиненныхъ и соподчиненныхъ предложеній,—такъ называемымъ, періодомъ.

Кромѣ перечисленныхъ качествъ въ хорошемъ языкѣ должна быть еще образность (иначе: изобразительность, картинность, пластичность, художественность). Образность слога создается: эпитетами, фигурами и тропами.

Когда мы говоримъ: серебристая сѣдина, Божій день, бѣлый лебедь, синее море, то наша цѣль не опредѣлить точнѣе сѣдину,

---

иностранцевъ, то извѣстно, какъ неблагозвучны имъ кажутся наши звуки щ, ж, ч. Наоборотъ, намъ кажутся неблагозвучными многосложныя слова, въ то время какъ въ нѣмецкомъ языкѣ двухъ, трехъ и четырехъ-этажныя слова встрѣчаются у лучшихъ поэтовъ. (Нѣмецкій языкъ вообще отличается гибкостью при образованіи составныхъ словъ. Какъ курьезъ указываютъ на нѣмецкое слово, состоящее изъ 27 слоговъ!).

день, лебедя и море, а лишь напомнить о нѣкоторыхъ, присущихъ этимъ предметамъ качествахъ, подчеркнуть ихъ. Это не то, что сказать: „большой столъ“, „черная доска“, потому что столъ можетъ быть большимъ и малымъ, доска можетъ быть черной и бѣлой, между тѣмъ какъ сѣдина всегда серебристая, всякій день—Божій и т. д. Эти опредѣленія, цѣль которыхъ лишь напомнить объ извѣстныхъ качествахъ предмета, и называются *эпитетами* (украшающими). Таковы: горькая иронія, горкія слезы, инстинктивное отвращеніе, законная гордость, неумолимый врагъ и т. д. Однако подобные эпитеты, будучи употребляемы рѣшительно всѣми, достаточно заѣзжены и въ большомъ количествѣ придаютъ слогу банальный характеръ, какъ будетъ указано ниже.

Фигурами принято называть различные обороты, отступающіе отъ оборотовъ обыкновенной повѣствовательной рѣчи [1]):

1. *Восклицаніе* автора или вопросъ, поставленный имъ не для того, чтобы читатель на него отвѣтилъ. Напримѣръ: „Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи“! (Гоголь). „Онъ разсказывалъ со всею вѣрностью историка, онъ вездѣ ссылался на источники; чего же требовать болѣе отъ историка?“ (Пушк.). Такой вопросъ называется *риторическимъ*.

2. *Повтореніе*. Желая придать особенную силу мысли, авторъ повторяетъ одно и то же. Напримѣръ: намъ нужно злата, злата, злата, копите злато до конца. (Пушкинъ). Вотъ, вотъ она, вотъ русская граница!

3. *Эллипсъ*, т. е. пропускъ какого либо слова въ предложеніи. Напримѣръ: лѣсъ ли начнется—сосна да осина.

4. *Умолчаніе*. Вслѣдствіе сильнаго волненія, авторъ не договариваетъ своей мысли до конца (что обозначается многоточіемъ). Напримѣръ:

Что-то слышится родное
Въ долгой пѣснѣ ямщика.
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...
Ни огня, ни черной хаты...
Глушь и снѣгъ...

5. *Безсоюзіе*. Напримѣръ: Шведъ, русскій колетъ, рѣжетъ, рубитъ. (Пушк.).

6. *Многосоюзіе*. Напримѣръ: „Дрожали и царей палаты, и храмъ, и циркъ, и гипподромъ“.

При помощи *повторенія*, *многосоюзія*, *параллелизмовъ* и *тавтологіи* рѣчь замедляется, а при помощи *эллипса*, *умолчанія* и *безсоюзія* рѣчь ускоряется.

---

[1]) Ломоносовъ перечисляетъ двадцать шесть лучшихъ фигуръ: опредѣленіе, изреченіе, вопрошеніе, отвѣтствованіе, обращеніе, указаніе, заимословіе, умедленіе, сообщеніе, поправленіе, расположеніе, уступленіе, вольность, прехожденіе, умолчаніе, сомнѣніе, занятіе, напряженіе, примѣненіе, присовокупленіе, желаніе, моленіе, восхищеніе, изображеніе, возвышеніе, восклицаніе. Сюда еще прибавляются: повтореніе, усугубленіе, единознаменованіе, восхожденіе, наклоненіе, многосоюзіе, безсоюзіе и согласованіе.

Тропами принято называть слѣдующіе обороты:

1. *Сравненіе.* Напримѣръ: она (струя рѣки) вспыхиваетъ будто полоса дамасской сабли (Гоголь). Мухи черною тучею покрывали весь потолокъ (Гоголь) [1]. Бываютъ *отрицательныя сравненія* (уподобленія), особенно часто встрѣчающіяся въ народномъ эпосѣ. Напримѣръ: „не былинушка въ чистомъ полѣ замоталася, замоталася безпріютная головушка". Изъ народнаго эпоса отрицательное сравненіе перешло и въ образованную рѣчь. Напримѣръ, у Пушкина мы встрѣчаемъ:

Не стая вороновъ слеталась
На груды тлѣющихъ костей,
За Волгой, вкругъ огней
Удалыхъ шайка собиралась [2].

Особый видъ сравненія составляютъ *контрасты*, гдѣ сравниваются два совершенно противоположныхъ предмета или явленія. Напр.: „Это радушіе и готовность такъ кротко выражались на этихъ лицахъ, такъ шли къ нимъ, что (гость) поневолѣ соглашался на ихъ просьбы... Это радушіе вовсе не то, съ какимъ угощаетъ васъ чиновникъ казенной палаты, вышедшій въ люди вашими стараніями". (Гоголь) [3].

2. *Метонимія,* замѣна одного слова другимъ. Напримѣръ. „Москва встрѣчала своего избавителя" (вмѣсто: жители Москвы). „Читать Пушкина" (вмѣсто: сочиненія Пушкина). „Ѣсть на золотѣ, на серебрѣ" (вмѣсто: изъ золотой, изъ серебряной посуды), „Береги копѣйку" (вмѣсто: деньги).

3. *Метафора.* Напримѣръ: „У него *каменное* сердце". „*Горькая* истина". Особый видъ метафоры составляетъ олицетвореніе, напримѣръ: буря *воетъ,* море *стонетъ.*

4, *Аллегорія,* иносказаніе, соединеніе нѣсколькихъ метафорическихъ выраженій въ цѣлую картину. Каждая басня есть аллегорія.

5. *Гипербола,* преувеличеніе. Напримѣръ: „они защищаются до *послѣдней капли крови*". „Слезы текутъ *ручьями*".

6. *Иронія,* насмѣшка, когда выраженіе надо понимать обратно его прямому смыслу. Напримѣръ:

Отколѣ, умная, бредешь ты, голова?
Лисица, встрѣтяся съ осломъ, его спросила (Крыловъ).

---

[1]) Иногда различаютъ еще *уподобленіе,* т. е. распространенное сравненіе, въ которомъ цѣлый рядъ понятій уподобляется другому ряду. Напр.

И семь избирателей чиномъ
Блистали, какъ звѣзды предъ солнцемъ блестятъ,
Предъ новымъ своимъ властелиномъ.

[2]) Этими стихами начинаются „Братья-Разбойники". Отрицательнымъ сравненіемъ поэтъ какъ бы сразу вводитъ насъ въ ту среду, которая составляетъ обычный сюжетъ народныхъ пѣсенъ.

[3]) Контрасты помогаютъ точнѣе формулировать мысль. Въ болѣе широкомъ смыслѣ къ контрастамъ можно отнести отрицательные обороты „тонкаго", „дипломатическаго" языка, какъ напр.: „Я не очень восхищенъ этимъ произведеніемъ", „едва-ли это произведеніе можно назвать шедевромъ" (авторъ хочетъ сказать: „это произведеніе изъ рукъ вонъ плохо"). „Нельзя сказать, чтобы его пѣніе мнѣ очень понравилось". „Генералу, какъ видно, не непо-

„Покорнѣйше прошу излишними посѣщеніями меня не баловать“ [1]).

Эпитеты, фигуры, тропы, а особенно новыя, оригинальныя выраженія придаютъ рѣчи красоту и эффектность, качества почти столь же необходимыя прозѣ, какъ и поэтическому слогу. Существуетъ множество готовыхъ, общеупотребительныхъ, „обыкновенныхъ“ выраженій, не трогающихъ насъ именно вслѣдствіе своей обычности. Они лишены огня и жизни, въ нихъ нѣтъ ничего останавливающаго, ничего непредвидѣннаго. Они примелькнулись намъ. Писать или говорить готовыми фразами—ясный признакъ отсутствія оригинальности и въ мысляхъ. Пушкинъ, напримѣръ, въ одномъ изъ своихъ писемъ находитъ выраженіе „небесный пламень“ *слишкомъ обыкновеннымъ*, а потому недопустимымъ въ хорошемъ слогѣ. Заурядныя слова соотвѣтствуютъ зауряднымъ мыслямъ, и если книга сплошь написана банальными фразами, вы можете совершенно спокойно ее бросить: авторъ васъ ничему не научитъ, онъ знаетъ не болѣе вашего. Самостоятельность мышленія и литературный вкусъ—вотъ что долженъ развить въ себѣ авторъ, если не желаетъ быть банальнымъ.

Описательные обороты, перифраза, стремленіе сказать длиннѣе то, что можно сказать короче и проще—обычныя уловки банальныхъ мыслителей, желающихъ казаться оригинальными. Но они никого обмануть не могутъ: самостоятельный умъ соединяетъ оригинальность съ простотой и естественностью. Правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ простота переходитъ въ грубость, которой должно всячески избѣгать. Отсюда множество условныхъ выраженій, какъ „нанести оскорбленіе дѣйствіемъ“ (вм. ударить), „жестъ палкою“ (вм. ударъ), „опереться о сюжетъ“ (вм. совершить плагіатъ) и т. п. Въ протоколахъ пишутъ: „замахнулся на пристава, оцарапавъ ему високъ“ или въ этомъ родѣ. Особенно процвѣтаетъ перифраза въ дипломатическомъ языкѣ. Державы никогда не угрожаютъ другъ другу, а даютъ „дружественные совѣты“, неисполненіе коихъ „вліяетъ въ дурную сторону на дружественныя отношенія, связывающія двѣ страны“. Если „другая держава“ только „соглашается въ принципѣ“ съ сими совѣтами, то наступаетъ „разрывъ дружественныхъ отношеній“, и у каждой стороны оказываются не совсѣмъ сходныя между собою „военныя цѣли“. Затѣмъ „неотвратимою силою вещей отряды вынуждены расширить свою дѣятельность“, происходятъ „неизбѣжныя въ та-

нравился такой приступъ“. (Гоголь). „Считаю не лишнимъ замѣтить, что“... Такіе обороты скрашиваютъ рѣзкость и самонадѣянность выраженій, придаютъ имъ характеръ строгой обдуманности.

[1]) Иронія, строго говоря, есть насмѣшливая похвала, одобреніе, подъ которымъ скрывается порицаніе, но въ обыкновенной рѣчи ироніей называютъ всякую насмѣшку. Иронія достигается архаизмами, варваризмами, несоотвѣтствіемъ слога съ содержаніемъ и т. п. Есть цѣлый рядъ искаженныхъ съ цѣлью ироніи словъ, какъ: философъ, прожектъ, аблакатъ, скубентъ, старушенція, шляпенція, штукенція, фортеплясы, пикиндрясы (вм. пики), дитё (дитю) и друг.

кихъ случаяхъ осложненія“, оканчивающіяся совѣщаніемъ представителей обѣихъ державъ, на которомъ, послѣ многодневнаго обсужденія, наконецъ выясняется, что „взгляды обоихъ правительствъ на данный вопросъ сходны“, послѣ чего „добрыя отношенія между державами возстановляются“ и „узы, доселѣ связывавшія два народа, становятся еще болѣе тѣсными“.

Сжатость—одно изъ главныхъ достоинствъ хорошаго слога. Въ сущности всѣ перечисленные тропы и фигуры должны не только оживлять рѣчь, дѣлать ее менѣе сухою, но и сокращать ее, дѣлать ее болѣе выразительною, болѣе содержательною. Если мы скажемъ: „сосѣдъ нашъ сгорѣлъ до тла“, то мы кратко и образно выразимъ слѣдующую мысль: „весь домъ нашего сосѣда съ имуществомъ, въ немъ находящимся, сгорѣлъ“. Писать сжато гораздо труднѣе, нежели писать разгонисто. „Извините за длинное письмо: некогда было писать короче!“—такими характерными словами начиналось письмо одного писателя къ другу. Нѣтъ ничего скучнѣе и томительнѣе статьи водянистой, съ множествомъ рядомъ поставленныхъ синонимовъ, съ параллелизмами, повтореніями и мало говорящими оборотами вродѣ: „дѣло въ томъ, что“, „нашимъ глазамъ представилось въ высокой степени любопытное явленіе, а именно“ (вмѣсто: мы увидѣли), „едва первые лучи восходящаго солнца озарили восточныя края лазурнаго неба“ (вмѣсто: рано утромъ) и т. д. Многорѣчивыя изліянія чувствъ — язва дѣловой переписки. Умѣніе кратко (лаконически) излагать свои мысли — великое искусство, которому стоитъ научиться. Упражняйтесь употреблять поменьше словъ. Выбрасывайте въ вашихъ сочиненіяхъ все, что только можно выбросить, не измѣняя смысла, все, что разумѣется само собою. Сокращайте все, что только можно сократить. Иногда одно существительное можетъ замѣнить цѣлое предложеніе. Дѣлайте вашу рѣчь настолько сжатой, чтобы нельзя было отнять ни единаго слова, не нарушая цѣльности мысли [1]). Впрочемъ, и здѣсь

[1]) Любопытный образчикъ сжатаго изложенія представляетъ „Исторія Франціи въ 1000 словъ“ (на франц. яз.). Она начинается такъ: „Древность называла Галліей страну между Пиренеями, Альпами, Рейномъ и моремъ. Населеніе Галліи, извѣстное своей отвагой, происходило отъ переселившихся туда арійцевъ. Покоренная Юліемъ Цезаремъ, Галлія заимствовала отъ римлянъ, въ теченіе 500-лѣтняго ихъ владычества, языкъ, законы, государственное устройство. Большая часть заимствованнаго сохранилась донынѣ. Въ V вѣкѣ римская имперія, отступая предъ варварами, оставила свои отдаленныя провинціи. Галлія, принявшая христіанство, подпала подъ власть франковъ, пришедшихъ съ береговъ Рейна“... Кончается эта „Исторія въ 1000 словъ“ такъ: „Вторая республика низвергаетъ Филиппа Орлеанскаго (1848), но исчезаетъ предъ блестящей личностью. Луи Наполеонъ, опираясь на славу своего дяди, становится въ 1848 г. президентомъ, въ 1852 г. императоромъ. Его популярность ослабѣваетъ послѣ 1862 г. Онъ считаетъ внѣшнюю войну необходимой для возвращенія популярности и принимаетъ въ 1870 г. вызовъ Пруссіи, ведомой Бисмаркомъ; плохо веденная со стороны Франціи, война эта заканчивается пораженіемъ. Франція теряетъ изъ-за нея Эльзасъ-Лотарингію. Императоръ отправляется умирать въ Англію, а во Франціи устанавливается новая республика“.

Сжатый слогъ употребляется обыкновенно въ энциклопедическихъ слова-

нужно оговориться: все въ мѣру! Иногда нужно замедлять рѣчь, удержать вниманіе читателя на извѣстномъ мѣстѣ,—тогда пользуйтесь всѣми средствами, указанными для замедленія рѣчи. Но помните: сжатость умѣстна всегда, а водянистость—иногда! [1]),

Чтобы покончить съ свойствами хорошаго языка, должно прибавить, что языкъ долженъ соотвѣтствовать предмету. О вещахъ, достойныхъ уваженія, нельзя говорить презрительно или въ шутливомъ, фельетонномъ духѣ, и наоборотъ, о вещахъ обыкновенныхъ не говорятъ торжественно, цвѣтисто. Нарушеніе этого правила придаетъ рѣчи ироническій характеръ.

ГЛАВА IV. Словарь языка.

Чтобы знать языкъ должно познакомиться съ словаремъ его. Нѣтъ такого человѣка, который бы зналъ родной языкъ во всемъ его объемѣ. Только въ словарѣ собраны всѣ богатства языка, и только онъ представляетъ вполнѣ надежный способъ ознакомленія со всѣми рессурсами рѣчи. Только въ словарѣ мы обозрѣваемъ границы языка и, только изучивъ словарь, мы можемъ судить, достигли ли мы въ своей рѣчи крайнихъ предѣловъ точности и ясности, или наши мысли могутъ быть выражены еще точнѣе, еще яснѣе. Чтобы ознакомиться съ языкомъ въ полномъ его объемѣ, мы напрасно станемъ обращаться къ сочиненіямъ избранныхъ писателей, напрасно станемъ прислушиваться къ говору простого народа: ни писатели, ни народъ не даютъ намъ полнаго понятія о языкѣ, ибо они не исчерпали его. У нихъ встрѣчается только часть лексическаго богатства языка. Нѣтъ того человѣка, который бы, читая словарь, не встрѣтилъ въ немъ массу словъ, о существованіи которыхъ онъ раньше и не догадывался, и для выраженія которыхъ онъ прибѣгалъ къ разнымъ описательнымъ оборотамъ или сравненіямъ.

Это станетъ вполнѣ понятно, если мы припомнимъ, какимъ образомъ сложился употребляемый нами языкъ.

Дѣло происходило такъ. Въ школу мы поступили съ довольно ограниченнымъ запасомъ словъ изъ круга домашней обстановки и отношеній къ различнымъ членамъ семьи. Въ школѣ количество словъ, едва ли превышавшее 1000, начинаетъ быстро увеличиваться не столько вслѣдствіе сношеній съ новыми лицами,

---

ряхъ. Имъ выгодно писать телеграммы. Люди, не умѣющіе выражаться сжато, пропускаютъ обыкновенно въ телеграммахъ предлоги, что придаетъ ихъ изложенію дикій и неясный характеръ; они этимъ обнаруживаютъ не только мелочность, но и неуваженіе къ адресату.—Нужно однако замѣтить, что истинная сжатость состоитъ не столько въ сжатости *слога*, сколько въ сжатости *мысли*. Кто мыслитъ сжато и точно, тотъ изложитъ свою мысль коротко, хотя бы и не зналъ искусственныхъ грамматическихъ формъ, при помощи которыхъ два слова замѣняются однимъ.

[1]) Для упражненія можно взять любую статью изъ Хрестоматіи, выбросить всѣ слова, безъ которыхъ мысль понятна, сократить всѣ обороты, поддающіеся сокращенію, замѣнить полныя придаточныя предложенія сокращенными и т. д.

учителями и товарищами, сколько благодаря книгамъ и открытому ими новому кругу понятій. Но это увеличеніе имѣетъ свой предѣлъ. Къ извѣстному возрасту, когда наше положеніе въ обществѣ окончательно опредѣлится, въ нашемъ распоряженіи оказывается извѣстный запасъ словъ, вполнѣ достаточный для выраженія всѣхъ предметовъ и понятій, входящихъ въ сферу нашей жизни и дѣятельности. Разумѣется, чѣмъ шире наши интересы, чѣмъ разнообразнѣе наши занятія и чѣмъ больше кругъ людей различныхъ общественныхъ классовъ, съ которыми мы сталкиваемся, тѣмъ разнообразнѣе и богаче нашъ лексиконъ. Но лишь только намъ приходится назвать предметъ или выразить понятіе, лежащее внѣ рамокъ нашихъ обыденныхъ интересовъ, какъ мы начинаемъ затрудняться, начинаемъ испытывать „муки слова" и прибѣгаемъ къ разнымъ описаніямъ и сравненіямъ. Вслѣдствіе такого положенія дѣлъ языкъ людей, принадлежащихъ къ одному и тому же общественному классу, болѣе или менѣе одинаковъ, и часто мы заранѣе предугадываемъ, что скажетъ и въ какихъ именно выраженіяхъ скажетъ нашъ собесѣдникъ въ отвѣтъ на тотъ или другой вопросъ.

Читая словарь, мы обогащаемъ нашу рѣчь (а черезъ нее и нашъ умственный кругозоръ) множествомъ новыхъ понятій. Словарь не простая справочная книга, а важная „настольная" книга, которую должно читать постоянно и ежедневно. Ежедневно мы можемъ собирать въ ней новую жатву.

Я началъ читать словарь съ буквы А,—говоритъ одинъ итальянскій писатель,—съ великимъ рвеніемъ и въ нѣсколько дней проглотилъ нѣсколько сотенъ страницъ, испещривъ поля замѣчаніями. Что подѣлаешь? Очарованье было столь велико, что я не могъ удержаться, чтобы его не выразить. Представьте себѣ громадную залу, въ которой собраны предметы ста всемірныхъ выставокъ, разложенные въ рядъ безъ всякой системы. Пробѣгая эту залу, вы испытываете такое удовольствіе, какъ отъ чтенія словаря. Вы переноситесь изъ города въ деревню, съ моря на сушу, съ земли на небо, съ неба въ нѣдра земли,— быстро, точно по мановенію волшебнаго жезла. Рядомъ съ знакомой мебелью вы видите средневѣковое оружіе, рядомъ съ оружіемъ рѣдкую рыбу, далѣе—азіатское растеніе, потомъ механическій аппаратъ, затѣмъ драгоцѣнный камень, послѣ—цвѣтокъ, зданіе, ткань. Вы встрѣчаете орудія всѣхъ искусствъ, термины всѣхъ наукъ, одѣянія всѣхъ народовъ, обычаи всѣхъ временъ. Мимоходомъ вы слышите мудрую пословицу, каламбуръ, васъ провожаетъ восторженное восклицаніе, оскорбленіе, похвала, насмѣшка, поздравленіе, напутствіе. Вы встрѣчаете множество словъ, которыя вамъ кажутся привидѣніями съ того свѣта; вы встрѣчаете ученыя слова, гордыя точно профессоръ, вооруженный очками; слова устарѣлыя, похожія на стариковъ, хилыхъ отъ ветхости и ропщущихъ на выскочекъ; слова новыя, дерзкія, какъ молодые люди, вступающіе въ общество съ рекомендательнымъ письмомъ отъ извѣстнаго

писателя; слова обыкновенныя, зловѣщія, звучныя, грязныя, слова иностранныя, держащіяся особнякомъ, какъ заблудившійся туристъ. Вы проходите мимо однихъ словъ, не удостаивая ихъ взглядомъ, какъ членовъ своей семьи, мимо другихъ, съ равнодушнымъ поклономъ; однимъ вы съ радостью бѣжите навстрѣчу, какъ лицамъ забытымъ и воскресшимъ, предъ другими вы останавливаетесь, внимательно разглядывая ихъ, дабы прочнѣе запечатлѣть ихъ образъ въ своей памяти. Одно слово раскрываетъ вамъ ошибку, другое даетъ вамъ совѣтъ, третье вызываетъ въ вашей памяти какой нибудь историческій фактъ или давно забытое преданіе. Вы размышляете, смѣетесь, мечтаете, изучая языкъ, исторію, науки, поэзію, игры, ремесла, пока не закроете книгу, растерянный, возбужденный, точно вышли изъ театральной залы послѣ спектакля, точно пришли съ ярмарки, съ всемірной выставки. Чего же еще требовать отъ книги? Это ли не восхитительное произведеніе? И когда вы имѣете право сказать, что вдоволь начитались словаря?

Одинъ французскій писатель достигшій большой извѣстности изяществомъ слога и мѣткостью выраженій, на вопросъ: „какъ выработалъ онъ свой стиль?“ отвѣтилъ: „я постоянно читаю словарь“. И онъ былъ совершенно правъ. Словарь—лучшій учитель изящнаго и точнаго слога.

Но, можетъ быть, вы думаете, что читать словарь скучно, какъ всѣ назидательныя произведенія? Вы жестоко ошибаетесь. Ни одинъ романъ, ни одна исторія, какъ бы они ни были живо и увлекательно написаны, не могутъ такъ завлечь, такъ захватить читателя, не могутъ дать ему такого полнаго удовлетворенія, какъ словарь. По этому поводу мнѣ припомнился нашъ учитель математики, страстно влюбленный въ свою науку. Человѣкъ одинокій, проживиій всю жизнь съ своими цифрами, онъ не зналъ удовольствій внѣ ихъ. Помню какъ онъ въ первый разъ принесъ въ классъ таблицу логариѳмовъ, раскрылъ ее, уставился въ нѣмые для насъ ряды цифръ и оставался неподвиженъ въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ. Наконецъ воскликнулъ голосомъ полнаго удовлетворенія: „о, какъ пріятно плавать въ этомъ океанѣ!“ Помню, какъ мы недоумѣвали при этомъ восклицаніи, какъ мы подтрунивали надъ старымъ учителемъ, котораго, впрочемъ, уважали болѣе, нежели другихъ учителей, именно за его беззавѣтную преданность наукѣ. Но когда я случайно, гораздо позднѣе, натолкнулся на словарь Даля, когда я сталъ его читать страницу за страницей съ постоянно усиливающимся интересомъ, я понялъ восклицаніе нашего учителя, я почувствовалъ, какое счастье плавать въ океанѣ словаря. Сколько искръ воспламеняетъ въ нашемъ умѣ словарь! Существуютъ слова, возбуждающія, словно электрическій токъ, сотню мыслей, скрытыхъ, затаенныхъ гдѣ нибудь въ уголку нашего мозга, слова, живо вызывающія воспоминанія о забытой личности, забытомъ происшествіи, забытой книгѣ.

Чтенiе словаря даетъ вамъ урокъ скромности. Ты ученый, ты прошелъ курсъ гимназiи, кончилъ университетъ и воображаешь, что для тебя все открыто, ты все знаешь. Какое заблужденiе! Раскрой словарь, и на каждомъ столбцѣ ты найдешь слово, о которомъ долженъ будешь признаться: я не зналъ его.

Если мы скажемъ, что словарь книга прекрасная, необходимая, интересная и назидательная, то мы этимъ еще не исчерпаемъ всѣхъ качествъ его. Есть еще нѣчто, что привязываетъ насъ къ словарю: словарь есть книга самая нацiональная во всей нашей литературѣ. Всѣ вѣка работали надъ нимъ; въ созданiи словаря участвовалъ весь народъ цѣликомъ, всѣ сословiя, всѣ возрасты. Здѣсь вы найдете стихъ отъ каждаго поэта, предложенiе отъ каждаго прозаика, воспоминанiе о каждомъ великомъ событiи и каждой исторической личности, вы здѣсь найдете всю исторiю языка. Словарь книга отечественная; эта книга болѣе наша, чѣмъ всякая другая книга. Очень часто, впитавъ въ себя съ наслажденiемъ одну-другую страницу словаря, ваше сердце смягчается отъ восторга, вы чувствуете приливъ нѣжности ко всему мiру, готовы обнять, поцѣловать вашъ словарь и воскликнуть: о, ты, учитель, другъ, совѣтникъ ученый! Ты, въ комъ есть отвѣтъ на все и для всѣхъ, ты, другъ учащихся! Прими мой сердечный привѣтъ! И въ этотъ моментъ вы готовы каждому предложить такое чтенiе, готовы каждому отъ души посовѣтовать прiобрѣсти себѣ словарь и читать, зачитываться имъ, захлебываться въ этомъ океанѣ назидательности и удовольствiя *).

---

*) Словарей русскаго языка имѣется нѣсколько:

1) Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный Вторымъ отдѣленiемъ Императорской Академiи Наукъ. Первое изданiе этого словаря появилось въ 1847 г., второе (безъ перемѣнъ) въ 1857 г. (Онъ не совсѣмъ пригоденъ для нашей цѣли, такъ какъ соединяетъ два языка: церковно славянскiй и русскiй).

2) Словарь русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленiемъ Импер. Акад. Наукъ, издающiйся съ 1891 г. Первый томъ (А—Д) вышелъ въ 1895 г. Съ этого времени Словарь выходитъ ежегодными выпусками (до начала 1909 г. вышло четырнадцать выпусковъ, обнимающихъ слова отъ А до „Зятюшко" и отъ К до „Качалка". Со второго тома Словарь издается въ болѣе широкомъ масштабѣ, (включены слова областныя, даны сравненiя русскихъ словъ съ словами прочихъ славянскихъ нарѣчiй). Первый томъ (3 выпуска) вышелъ изъ продажи, но составители обѣщаютъ переиздать современемъ и его сообразно новому плану.

3) Толковый словарь живого великорусскаго языка Вл. Даля Это наиболѣе подходящiй для нашей цѣли трудъ. Третье изданiе этого словаря (подъ редакцiей Бодуэна де Куртенэ) закончено въ 1909 г.

4) Справочный словарь (орѳографическiй, этимологическiй и толковый) русскаго литературнаго языка А. Чудинова.

Словарей иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка, имѣется много. Они полезны только какъ справочныя изданiя. Чтенiе ихъ едва-ли можно рекомендовать.

Что касается словарей двуязычныхъ (русско-нѣмецкихъ, русско-французскихъ, русско-англiйскихъ и проч.), то для лицъ, владѣющихъ иностранными языками, они могутъ вполнѣ замѣнить словарь языка.

ГЛАВА V. Словарь синонимовъ [1]).

Для искусства излагать свои мысли словарь языка имѣетъ сравнительно меньшее значеніе, нежели словарь синонимовъ. Читая словарь языка, вы не можете удержать въ памяти всѣхъ словъ и выраженій и употреблять ихъ въ дѣло всякій разъ, какъ вы въ этомъ нуждаетесь. Словарь языка даетъ питательнѣйшую пищу уму, подсказываетъ истинное значеніе каждаго встрѣченнаго слова, но не подсказываетъ потребнаго слова или выраженія. Сколько времени тратимъ мы на поиски необходимыхъ намъ выраженій, которыя большею частью намъ извѣстны (вертятся, какъ говорятъ, на языкѣ), но которыя мы припомнить не можемъ какъ разъ тогда, когда въ нихъ нуждаемся. Берне разсказываетъ, что онъ двѣ недѣли искалъ одно нѣмецкое слово, не могъ заниматься ни чѣмъ другимъ, пока наконецъ не нашелъ его. Въ этомъ случаѣ помочь намъ можетъ только такой словарь, въ которомъ были бы собраны воедино всѣ выраженія близкія, однородныя, дабы изъ нихъ можно было въ случаѣ надобности сдѣлать выборъ. Такую книгу имѣемъ мы въ „*Словарь русскихъ синонимовъ и сходныхъ по смыслу выраженій*“ (С.-Петербургъ, 1900). Подобно тому, какъ словарь языка, раскрывающій значеніе всѣхъ словъ даннаго нарѣчія, имѣетъ въ виду главнымъ образомъ, читающаго и слушающаго, такъ словарь синонимовъ имѣетъ въ виду пишущаго и говорящаго. Онъ подсказываетъ намъ забытое въ данный моментъ слово или выраженіе. Словарь языка и словарь синонимовъ взаимно дополняютъ другъ друга. Вамъ требуется какое либо выраженіе, котораго вы, какъ это всегда случается, не можете припомнить именно тогда, когда въ немъ есть надобность. Вы раскрываете Словарь Синонимовъ и безъ всякаго труда находите искомое слово или выраженіе. Въ этомъ словарѣ вы имѣете цѣлый рядъ выраженій, близкихъ къ тому, которое вамъ требуется, и вамъ остается только выбрать изъ нихъ наиболѣе подходящее. Предположимъ, что вы затрудняетесь въ выборѣ, вы не знаете, какое изъ нихъ подходящее, какое изъ нихъ точнѣе выражаетъ искомый вами оттѣнокъ мысли. Тогда вы обращаетесь къ словарю языка, гдѣ вы можете отыскать точное опредѣленіе находящихся предъ вами выраженій [2]). Въ нѣкоторыхъ словаряхъ, какъ напримѣръ, въ англійскомъ словарѣ Web-

---

[1]) *Синонимомъ* называется каждое изъ двухъ или многихъ словъ тождественныхъ или очень близкихъ по значенію. Хотя существуютъ синонимы, которые можно всегда подставлять одинъ вмѣсто другого, но въ громадномъ большинствѣ случаевъ синонимы различаются другъ отъ друга оттѣнками.

[2]) Существуетъ цѣлая наука, *синонимика*, устанавливающая точное значеніе различныхъ синонимовъ. Наука эта еще совсѣмъ почти не разработана въ отношеніи къ русскому языку.

sler'a, совмѣщены оба словаря, языка и синонимовъ, къ вящшему удобству лицъ, пользующихся этими словарями [1])

Но кромѣ главнаго значенія Словаря Синонимовъ, какъ необходимой справочной книги для пишущаго и говорящаго, словарь этотъ имѣетъ еще другіе не менѣе важныя цѣли. Во-первыхъ, онъ расширяетъ знакомство съ языкомъ, открывая массу словъ забытыхъ или незнакомыхъ и поэтому замѣняемыхъ нами совершенно ненужными описательными оборотами. Правда, всѣ эти слова имѣются и въ словарѣ языка, но они тамъ разбросаны въ разныхъ мѣстахъ. Впечатлѣніе получается болѣе сильное, когда всѣ эти выраженія приведены въ систему, когда каждое изъ нихъ стоитъ на своемъ мѣстѣ. Когда вы читаете Словарь Синонимовъ предъ вашими глазами раскрывается великолѣпная картина вѣковой борьбы, борьбы за существованіе, между отдѣльными частями нашего языка. Вы видите слова умирающія, побѣжденныя, обезображенныя, видоизмѣненныя, непобѣдимыя, слова убитыя, похороненныя, сгнившія, воскресшія. Это настоящее поле битвы, куда выслали своихъ представителей всѣ области нашего обширнаго отечества, всѣ города, всѣ народы, его населяющіе и населявшіе. Какъ и въ словарѣ языка, здѣсь есть стихъ отъ каждаго поэта, предложеніе отъ каждаго прозаика, воспоминаніе о каждомъ великомъ событіи, историческомъ лицѣ, выдающемся типѣ, созданномъ фантазіей величайшихъ писателей. Сюда вошли всѣ лучшія мысли всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, и древнихъ и новыхъ. Здѣсь предъ вами въ захватывающей картинѣ вся исторія языка. Словарь Синонимовъ, это тотъ же музей всевозможныхъ предметовъ, что и словарь языка, съ тою только разницей, что здѣсь всѣ предметы разложены въ порядкѣ, систематически; здѣсь вы сразу можете обозрѣть выставленные предметы съ различныхъ сторонъ, сравнивая ихъ между собой; здѣсь вы безъ всякаго труда можете отыскать тотъ предметъ или тотъ рядъ предметовъ, который васъ особенно интересуетъ.

Слово и мысль—близнецы. Когда вы встрѣчаете рядомъ два однородныхъ слова, васъ естественно останавливаетъ вопросъ: что между ними общаго, и чѣмъ отличаются они другъ отъ друга. Такимъ образомъ вашъ умъ изощряется, вы начинаете видѣть въ словахъ такіе оттѣнки, которые раньше ускользали отъ вашего вниманія. Словарь синонимовъ пріучаетъ къ точному мышленію [2]).

---

[1]) Изъ перечисленныхъ нами выше Словарей, синонимы даны только въ Словарѣ Даля, но ими пользоваться нельзя: во-первыхъ, ихъ мало, а во вторыхъ, большинство синонимовъ придумано самимъ Далемъ и вовсе въ языкъ не вошло.

[2]) Весьма полезное упражненіе—составлять примѣры на данные синонимы. Вы открываете „Словарь Синонимовъ", берете любое гнѣздо и придумываете по *два* примѣра на каждый синонимъ: одинъ примѣръ, гдѣ синонимъ умѣстенъ, а другой, гдѣ онъ не умѣстенъ, но умѣстенъ синонимъ, рядомъ съ нимъ стоящій.

Если вы хотите наикратчайшимъ путемъ познакомиться съ духомъ нашего народа, поскольку духъ этотъ выразился въ его языкѣ, читайте словарь синонимовъ. Здѣсь предъ вами раскрытъ весь механизмъ народной мысли, здѣсь вы видите, какими сторонами того или другого понятія интересуется народъ, здѣсь вы чувствуете остроту его зрѣнія, точность его анализа.

О томъ, что всѣ ненужные варваризмы, неологизмы, провинціализмы и архаизмы, которые встрѣчаются у неопытныхъ писателей проистекаютъ единственно изъ незнакомства ихъ съ языкомъ, мы уже говорили выше. Если бы они справились въ Словарѣ Синонимовъ, они бы увидѣли какъ богатъ нашъ языкъ, и насколько имѣющіяся слова и выраженія ближе передаютъ искомыя ими понятія, нежели заимствованное изъ чужого языка, ненужное и для нашего уха не всегда благозвучное слово.

Можетъ быть, словарь синонимовъ читать скучно? Здѣсь мы должны повторить то же, что сказали про словарь языка: ни одинъ романъ, ни одна исторія, какъ бы живо и увлекательно они ни были написаны, не въ состояніи такъ завлечь, такъ захватить читателя, какъ словарь. Къ словарю синонимовъ это относится еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ къ словарю языка, ибо, обладая всѣми захватывающими качествами, словаря языка, словарь синонимовъ содержитъ еще элементъ комическій: сопоставляя рядомъ великое и низменное, серьезное и смѣшное, открывая самыя неожиданныя оттѣнки словъ, онъ въ высокой степени обладаетъ элементомъ смѣхотворнымъ. А такъ какъ это сопоставленіе имѣется въ каждомъ гнѣздѣ синонимовъ, на каждой страницѣ, то комическій элементъ проходитъ по всей книгѣ и удивительнымъ образомъ оживляетъ ее [1]).

ГЛАВА VI. Общіе совѣты.

Прежде чѣмъ разстаться съ читателемъ, мы считаемъ умѣстнымъ подѣлиться съ нимъ общими совѣтами которые выработаны извѣстными писателями въ ихъ практикѣ.

---

[1]) Сосѣдство различныхъ оттѣнковъ даннаго понятія въ „Словарѣ Синонимовъ" даетъ намъ въ руки великое оружіе для освѣщенія вопроса съ желаемой нами точки зрѣнія. Какъ извѣстно, можно говорить разно объ одномъ и томъ же событіи или объ одномъ и томъ же лицѣ, не удаляясь отъ истины. Одинъ назоветъ данный поступокъ „отвагой", а другой „дерзостью", одинъ увидитъ прямоту характера тамъ, гдѣ другой замѣтитъ грубость и т. д.; дружественный критикъ пишетъ: „театръ былъ наполовину полонъ", а враждебный скажетъ: „театръ былъ на половину пустъ". Нужно умѣть говорить съ своей точки зрѣнія. Аристотель въ своей „Риторикѣ" приводитъ любопытный примѣръ гибкости языка у одного греческаго поэта. Ему предложили воспѣть муловъ, побѣдившихъ на Олимпійскихъ играхъ. Такъ какъ онъ нашелъ незначительнымъ предложенное ему вознагражденіе, то онъ отказался, заявивъ, что ему непристойно воспѣвать „полуословъ". Когда же сумма вознагражденіе была въ должной мѣрѣ повышена, онъ написалъ:

Привѣтъ вамъ, дочери быстроногихъ кобылицъ!

хотя онѣ, прибавляетъ Аристотель, въ одинаковой мѣрѣ были „дочери ословъ".

Прежде всего, изученіе языка не должно никогда прекращаться! Въ этомъ случаѣ болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, примѣнима пословица: „вѣкъ живи, вѣкъ учись". Ибо языкъ постепенно прогрессируетъ, измѣняется, борьба между словами продолжается съ неослабѣвающимъ ожесточеніемъ, и пишущій долженъ быть освѣдомленъ на счетъ всѣхъ измѣненій. Не можетъ быть словаря вѣчнаго, постояннаго, не подверженнаго никакимъ измѣненіямъ. Академіи, которыя составляютъ словари, никогда этой задачи окончательно не выполнятъ, ибо составъ словаря постоянно мѣняется, какъ мѣняются значенія словъ, уже давно въ словарѣ имѣющихся. Вотъ почему нужно изучать языкъ постоянно, нужно читать все выдающееся въ текущей литературѣ, все имѣющее вліяніе на языкъ, запоминать новыя слова и выраженія, заносить ихъ своевременно въ свой „Словарь Синонимовъ"

Знаніе иностранныхъ языковъ полезно для выработки стиля. Совершенно вѣренъ извѣстный афоризмъ, по которому „тотъ, кто знаетъ всего одинъ языкъ, не знаетъ ни одного языка". Знакомство съ иностранными языками осмысливаетъ для насъ многіе обороты нашего языка, выясняетъ взаимоотношеніе различныхъ словъ, придаетъ уму нашему извѣстную гибкостъ при выраженіи мыслей. Въ этомъ отношеніи самымъ полезнымъ языкомъ является языкъ французскій. Это наиболѣе ясный и гибкій изъ всѣхъ европейскихъ языковъ и по строенію своему ближе всего подходящій къ нашему языку. Для стиля изученіе французскаго языка гораздо полезнѣе нѣмецкаго. Чтеніе французскихъ классиковъ очень полезная школа для усовершенствованія въ родномъ языкѣ.

Писать нужно быстро, наравнѣ съ мыслью, но послѣ того какъ ваша мысль въ сыромъ видѣ занесена на бумагу, вы должны тщательно отдѣлывать ее. Отдѣлка должна происходить какъ можно медленнѣе; вы должны быть самымъ строгимъ критикомъ вашего сочиненія, вы не должны останавливаться предъ справками, а почаще заглядывать и въ „Словарь Синонимовъ", и въ Словарь языка, и въ Грамматику. Ничто не должно быть вами выпущено въ свѣтъ въ видѣ, васъ неудовлетворяющемъ, не доведенномъ до той степени совершенства, на которую вы способны. Будьте осторожны въ выраженіяхъ, старайтесь угадать, какое впечатлѣніе произведутъ ваши слова на самыхъ умныхъ людей, которыхъ вы знаете. Пишите такъ, чтобы вамъ впослѣдствіи не пришлось краснѣть за написанное вами. Представляйте себѣ, что говорите черезъ десять лѣтъ о томъ событіи, которое вы въ данный моментъ описываете. Обдумывайте каждое свое слово. Воображайте, что вы монархъ, государственный человѣкъ, каждое слово котораго разсматривается и комментируется тысячами людей. Не забывайте драгоцѣннаго правила: „слово—серебро, а молчаніе золото", и говорите только тогда, когда вы увѣрены, что ваше слово дѣйствительно серебро.

Писатель долженъ быть не только образованнымъ человѣкомъ,

онъ долженъ быть образованнѣе каждаго изъ его читателей по крайней мѣрѣ въ той области, къ которой относится его сочиненіе. Онъ долженъ владѣть всѣми формами мысли, которыя созданы его предшественниками, близко подошедшими къ его темѣ. Тогда онъ можетъ экономить свой трудъ и не продѣлывать вторично того, что уже было продѣлано другими. Авторъ долженъ быть знакомъ со всѣми удачными выраженіями лучшихъ поэтовъ, прозаиковъ, народной литературы. Удачно вставленный стихъ или афоризмъ, кстати приведенная поговорка, впору употребленное ходячее и мѣткое слово—по истинѣ украшаютъ рѣчь [1]). Поэтому читайте побольше и перечитывайте почаще великихъ нашихъ писателей: Тургенева, Гончарова, Гоголя, Толстого, Достоевскаго, Бѣлинскаго. Пушкина и Лермонтова читать нельзя: ихъ должно выучить, они должны быть въ сердцѣ. Прислушивайтесь къ людямъ, говорящимъ хорошо и правильно. Продѣлывайте всѣ упражненія, о которыхъ упоминалось выше. Это далеко не скучное занятіе. Послѣ каждаго упражненія вы почувствуете у себя новый запасъ знаній.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ работайте сами, старайтесь писать каждый день что либо оригинальное. Обрабатывайте письменно каждую вашу мысль, какъ бы она незначительна ни была, и по какому бы поводу она ни пришла вамъ въ голову. Пишите стихи: не для того, чтобы ихъ печатать, а для выработки хорошаго, звучнаго, картиннаго, гибкаго языка. Работайте регулярно, и съ каждымъ днемъ вы все больше и больше будете чувствовать себя господиномъ языка, владыкой слова. А слово—это не только необходимое условіе или сосудъ мысли, оно не только способствуетъ выясненію, для самого говорящаго, міра явленій, оно есть вмѣстѣ съ тѣмъ и величайшее орудіе воздѣйствія на людей.

1) Сборникъ „Ходячихъ и ходкихъ словъ" русской рѣчи составленный М. Михельсономъ (2 изд. СПБ., 1896, ц. 6 руб.) а также „Крылатыя слова" (СПБ. 1890) С. В. Максимова ц. 3 руб. не мѣшаетъ прочитать всякому пишущему.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Шопенгауэръ о слогѣ.

(Изъ „Parerga und Paralipomena“ II § 291 (283) и сл.).

Чтобы судить о значеніи писателя, не требуется вовсе знать, о *чемъ* и *что* онъ думалъ: для этого необходимо было бы перечитать всѣ его произведенія. Достаточно узнать, *какъ* онъ думалъ, т. е. познакомиться съ его стилемъ. Герой одного средневѣковаго сказанія на вопросъ путника: „сколько еще осталось идти до такого-то мѣста“ даетъ повидимому нелѣпый отвѣтъ: „иди“, намѣреваясь на самомъ дѣлѣ опредѣлить по походкѣ, сколько ему нужно времени, чтобы достигнуть цѣли: мнѣ также стоитъ прочитать страничку-другую какого-нибудь автора, чтобы знать приблизительно, насколько онъ меня можетъ подвинуть впередъ.

Сознавая это, посредственные писатели стараются замаскировать свойственный имъ и для нихъ естественный стиль. Это заставляетъ ихъ прежде всего отказаться отъ всякой наивности и непосредственности, благодаря чему послѣднее качество является привилегіей выдающихся, сознательно и свободно выступающихъ умовъ. Тѣ же никогда не рѣшаются писать такъ, какъ они думаютъ, потому что полагаютъ, что тогда ихъ писаніе будетъ казаться наивнымъ. Но въ этомъ случаѣ оно было бы хоть чѣмъ нибудь. Если бы они честно приступили къ дѣлу и изложили бы то немногое и заурядное, что они продумали, просто и такъ, какъ они объ этомъ думали, то они были бы удобочитаемы и даже въ своей сферѣ назидательны. Но они желаютъ показать видъ, что они думали шире и глубже, нежели это на самомъ дѣлѣ было. Поэтому они становятся на ходули, выражаются трудными, принужденными оборотами, широкими и темными періодами. Они бродятъ вокругъ да около своей мысли, и колеблются, сказать ее или скрыть. Они бы хотѣли такъ вздуть ее, чтобы она получила ученый, глубокомысленный видъ, чтобы люди думали, что тамъ заключается болѣе, нежели кажется съ перваго взгляда. Они набрасываютъ свою мысль короткими афоризмами и парадоксальными изреченіями, они обставляютъ ее цѣлой фалангой страшныхъ словъ, вымученныхъ

и новоизобрѣтенныхъ, дабы казалось, что требуются невѣсть какія усилія, чтобы сдѣлать общедоступнымъ ея глубокій смыслъ, въ то время, какъ она не больше какъ самая простая, заурядная мысль, обыкновеннѣйшая пошлость. Словомъ гора рождаетъ мышь. Впрочемъ, еще хорошо, если имѣется и такая заурядная мысль, а то иногда вовсе непонятно, что они собственно хотятъ сказать. Они набрасываютъ на бумагу слова и даже цѣлые періоды, ни о чемъ при этомъ не думая, но надѣются, что другой будетъ, читая это, о чемъ нибудь думать. Въ основѣ всѣхъ этихъ усилій лежитъ вѣчное, ищущее все новыхъ путей, стремленіе выдавать слова за мысли и при помощи новыхъ или въ новомъ смыслѣ употребленныхъ выраженій, оборотовъ и сочетаній придать своему произведенію глубокій, умный видъ. Курьезно наблюдать, къ какимъ только пріемамъ они не прибѣгаютъ для того, чтобы надѣть маску ума, недостатокъ въ которомъ они такъ тяжело чувствуютъ. Имъ даже удается на мгновеніе обмануть неопытныхъ, но скоро они разоблачаются, осмѣиваются... и вынуждены искать новыхъ пріемовъ, новой гримировки. Въ ходъ пускается все: и пьяная восторженность, и высокій, серьезный стиль, и тонкая, до мельчайшихъ мелочей доходящая ученость, которую ни одинъ человѣкъ въ мірѣ, начиная съ самаго автора, понять не въ состояніи. На самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего легче, какъ писать такъ, чтобы васъ никто не понималъ, и наоборотъ нѣтъ ничего труднѣе, какъ излагать значительныя мысли такъ, чтобы всякій могъ понять ихъ. Упомянутые писатели, стараясь обходиться безъ ума, напоминаютъ тѣхъ мастеровъ, которые пробуютъ всячески комбинировать металлы, дабы получить вѣчное, ничѣмъ не замѣнимое золото.

Авторъ долженъ больше всего остерегаться выказывать болѣе ума, нежели онъ на самомъ дѣлѣ имѣетъ. Это возбуждаетъ въ читателѣ совершенно справедливое подозрѣніе, что его у автора очень мало, ибо аффектируютъ обыкновенно то, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Поэтому-то простота, наивность есть лучшая рекомендація для сочиненія; она не только знакъ истины, но и генія, ибо настоящій мыслитель старается излагать свои мысли какъ можно чище, яснѣе, увѣреннѣе и короче. Стиль получаетъ красоту отъ мысли, въ то время какъ у мнимыхъ мыслителей мысль должна получать красоту отъ стиля. А такъ какъ стиль не болѣе какъ отраженіе мысли, то неясно или скверно писать значитъ тупо или путанно мыслить.

Поэтому первое, почти исчерпывающее всѣ требованія, условіе хорошаго стиля, это—*имѣть что сказать:*

О, съ этимъ можно уйти далеко! Многіе писатели желаютъ *казаться* говорящими что-нибудь, тогда какъ на самомъ дѣлѣ имъ нечего сказать. Отсюда происходитъ тотъ взвинченный, неясный, двусмысленный и даже многосмысленный стиль, тотъ пространный и тяжелый stile empesé, который имѣетъ единственной цѣлью скрыть жалкую умственную бѣдность автора. Вы можете цѣлыми часами читать этотъ неутомимый, оглушающій наборъ

словъ; не будучи въ состоянiи выудить ни одной ясной и опредѣленной мысли.

Между тѣмъ публика, по своей халатности, читаетъ эту труху страницу за страницей, въ сущности не понимая, чего собственно авторъ хочетъ; она полагаетъ, что такъ должно быть, нисколько не соображая, что авторъ пишетъ только для того, чтобы писать. Мыслящiй писатель имѣетъ свой кругъ читателей, разборчивыхъ и требовательныхъ; онъ прiобрѣтаетъ ихъ довѣрiе именно тѣмъ, что дѣйствительно имѣетъ что сказать. Такой писатель выражается самымъ простымъ и рѣшительнымъ образомъ, ибо для него важно возбудить въ читателѣ именно ту мысль, которая у него теперь есть, а не какую либо иную... Къ характеристикѣ первыхъ писателей можно добавить, что они елико возможно избѣгаютъ всякихъ *рѣшительныхъ* выраженiй, дабы въ крайнихъ случаяхъ имѣть возможность отступить. Они выбираютъ всегда наиболѣе абстрактное, въ то время какъ люди ума выбираютъ наиболѣе *конкретное* выраженiе, потому что послѣднее даетъ наглядность, источникъ очевидности. Это предпочтенiе абстрактнаго имѣетъ въ основѣ желанiе обезпечить себѣ возможность отступленiя; вотъ почему они, сознавая свою неспособность, питаютъ непреодолимый страхъ предъ всякими *рѣшительными* выраженiями.

Заурядныя головы не вполнѣ понимаютъ значенiе употребляемыхъ ими словъ, такъ какъ слова представляютъ у нихъ нѣчто выученное и взятое готовымъ даже не какъ отдѣльныя слова, а какъ цѣлыя фразы (phrases banales). Отсюда вытекаетъ характеризующее ихъ отсутствiе ясно выраженныхъ мыслей; ибо у нихъ нѣтъ яснаго мышленiя: вмѣсто мыслей у нихъ замѣчается темная сѣть словъ, ходячiя фразы, избитые обороты, модныя выраженiя. Ихъ туманное писанiе вслѣдствiе этого напоминаетъ тисненiе, исполненное истертыми буквами.

Наоборотъ люди ума *дѣйствительно* сами говорятъ въ своихъ произведенiяхъ, и поэтому оживляютъ, заинтересовываютъ насъ: только *они* соединяютъ отдѣльныя слова вполнѣ сознательно, намѣренно и съ выборомъ.

Сочиненiя обыкновенныхъ головъ изготовлены какъ бы шаблонами; они состоятъ исключительно изъ готовыхъ оборотовъ и фразъ, которыя въ данное время въ модѣ и которыя они вставляютъ, ничего при этомъ не думая. Мыслящая голова дѣлаетъ каждую фразу нарочно для даннаго случая. Вѣдь съ удачными выраженiями и оригинальными оборотами происходитъ тоже, что съ платьемъ: когда они новы, они блестятъ и производятъ эффектъ; когда всѣ накидываются на нихъ, они быстро треплются, блекнутъ и наконецъ теряютъ всякое значенiе.

Что касается *скучности* (скуки) произведенiй, то нужно различать два рода скучности: объективную и субъективную. Объективная проистекаетъ оттого, что у автора нѣтъ вполнѣ ясныхъ мыслей, или знанiй. Ибо тотъ, кто ихъ имѣетъ, и старается сообщить ихъ прямо, путемъ ясно очерченныхъ понятiй; онъ поэтому не распростра-

няется черезчуръ, не употребляетъ ничего не выражающихъ оборотовъ, избѣгаетъ неясности, запутанности: слѣдовательно, онъ нескученъ. Даже когда его основная мысль ошибочна, сочиненіе его все-таки не лишено значенія, такъ какъ его мысль ясно и хорошо продумана. Произведеніе объективно скучное не имѣетъ ровно никакого значенія. Наоборотъ, *субъективная* скучность всегда относительна: она вызывается недостаткомъ интереса къ данному предмету у даннаго читателя, причина коего лежитъ въ извѣстной ограниченности послѣдняго. Субъективно скучнымъ для того или другого можетъ быть и самое превосходное сочиненіе, какъ и наоборотъ самое скверное можетъ быть субъективно интереснымъ для того или другого, потому что его какъ разъ интересуетъ предметъ или авторъ.

Писателямъ не мѣшаетъ всегда помнить правило: думайте какъ великіе умы, но говорите какъ обыкновенные люди. Говорите незаурядныя вещи заурядными словами, а не наоборотъ. Но обыкновенно люди стараются облекать самыя обыкновенныя мысли въ необыкновенныя и рѣдкія выраженія. Подобно тому какъ въ жизни глупость всегда норовитъ облечься въ важность и форму, такъ и въ сочиненіяхъ умственное убожество скрывается подъ аффектированной важностью. Ибо у кого есть что сказать, тотъ не станетъ скрывать это въ напыщенныхъ выраженіяхъ, трудныхъ фразахъ и темныхъ намекахъ, но онъ выскажетъ это просто, ясно и наивно, будучи увѣренъ, что его слово не останется безъ вліянія. Поэтому тотъ, кто употребляетъ напыщенный слогъ, выдаетъ этимъ свою умственную бѣдность. Онъ подобенъ тому, кто расфрантился, чтобы его не смѣшали съ мужиками; истинному джентльмену этого дѣлать не приходится, такъ какъ его можно отличить и въ худшемъ платьѣ.

Тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ писать точь въ точь такъ, какъ говорятъ. Наоборотъ литературный стиль долженъ быть въ извѣстномъ родствѣ съ лапидарнымъ, отъ котораго всѣ стили происходятъ. Поэтому въ литературѣ должно также избѣгать разговорнаго стиля, какъ въ разговорѣ литературнаго, что выходитъ всегда педантично и непонятно.

Темнота и неясность выраженія всегда и вездѣ очень скверный признакъ. Въ 99 случаяхъ изъ 100 она проистекаетъ отъ неясности мысли, а неясность въ свою очередь почти всегда происходитъ отъ невѣрности ея. Когда въ головѣ возникаетъ вѣрная мысль, она тотчасъ же начинаетъ стремиться къ ясности и скоро достигаетъ ея: ясно продуманное легко находитъ себѣ подходящее выраженіе. Тѣ, которые составляютъ трудныя, темныя, запутанныя и двусмысленныя рѣчи, навѣрное сами хорошенько не знаютъ, что хотятъ сказать, но имѣютъ лишь неясное сознаніе какой-то вертящейся въ ихъ головѣ мысли; часто однако они хотятъ скрыть и отъ себя самихъ и отъ другихъ, что имъ сказать нечего. Они желаютъ казаться знающими то, чего не знаютъ, думающими то, чего не думаютъ, и высказывающими то, чего не

высказываютъ. Развѣ тотъ, кто хочетъ сказать что нибудь, станетъ выражать это неясно?

Также должно избѣгать загадочности; должно всегда знать, желаете-ли сказать что-нибудь или нѣтъ. Исключенiе представляютъ тѣ случаи, когда вы сообщаете нѣчто, что по тѣмъ или другимъ причинамъ не пропускается.

Слишкомъ много словъ затемняютъ сообщаемую мысль. Каждое лишнее слово, хотя и поставленное для разъясненiя, дѣйствуетъ въ противоположную сторону. Въ этомъ смыслѣ Вольтеръ сказалъ: l'adjectif est l'ennemi du substantif. Поэтому нужно избѣгать всякаго многословiя, всякаго вплетенiя неважныхъ примѣчанiй. Жалѣйте время, трудъ и деньги читателя! Всегда лучше опустить что нибудь хорошее, нежели вставить ничего не говорящее. Дайте, насколько возможно, только квинтэссенцiи, только главное, ничего такого, что читатель самъ бы подумалъ. Много словъ для немногихъ мыслей—неопровержимое свидѣтельство посредственности; признакъ выдающейся головы—много мыслей въ немногихъ словахъ.

Истина красивѣе въ голомъ видѣ и впечатлѣнiе отъ нея тѣмъ глубже, чѣмъ проще выраженiе. Это происходитъ отчасти потому, что она тогда занимаетъ всю душу читателя, не разсѣиваемую никакими побочными мыслями, отчасти потому, что онъ чувствуетъ себя не подкупленнымъ никакимъ риторическимъ искусствомъ, но все впечатлѣнiе исходитъ изъ самой мысли. Какъ въ строительномъ искусствѣ должно избѣгать нагроможденiя украшенiй, такъ въ искусствахъ словесныхъ должно остерегаться прежде всего излишнихъ риторическихъ украшенiй, безполезныхъ распространенiй и вообще всякихъ лишнихъ выраженiй. Все лишнее вредно.

Истинная сжатость выраженiя состоитъ въ томъ, чтобы говорить лишь достойное быть сказаннымъ и наоборотъ не говорить того, что каждый, самъ можетъ подумать. Для этого требуется умѣнье отличать необходимое отъ лишняго. Но сжатости никогда не слѣдуетъ приносить въ жертву ясность или грамматическую правильность рѣчи. Неблагоразумно ослаблять силу выраженiя или затемнить перiодъ съ тѣмъ, чтобы выгадать нѣсколько словъ...

Кто пишетъ небрежно, этимъ самымъ показываетъ, что самъ не придаетъ большого значенiя своимъ мыслямъ. Ибо только изъ убѣжденiя въ истинности и важности нашихъ мыслей истекаетъ желанiе найти для нихъ самое ясное, самое красивое, самое сильное выраженiе;—только для святынь или неоцѣнимыхъ произведенiй искусства употребляютъ серебряныя или золотыя хранилища. Лучшiе писатели всѣхъ временъ по многу разъ передѣлывали языкъ своихъ произведенiй. Небрежность въ стилѣ обнаруживаетъ извѣстное неуваженiе къ читателю, наказывающееся съ его стороны, и вполнѣ справедливо, нежеланiемъ читать. Какъ я не рѣшаюсь вступить въ разговоръ съ плохо и грязно

одѣтымъ человѣкомъ, такъ я откладываю книгу, лишь только замѣчаю небрежность стиля.

Немногіе пишутъ такъ, какъ архитекторъ строитъ, т. е. по строго до мелочей выработанному плану; большинство пишетъ такъ, какъ играютъ въ домино: какъ здѣсь отчасти намѣренно, отчасти случайно камень приставляется къ камню, такъ и они приставляютъ одно предложеніе къ другому, не слѣдуя строго выработанному плану.

Они едва знаютъ приблизительно, какой видъ будетъ имѣть цѣлое, и что изъ всего этого выйдетъ. Многіе и этого не знаютъ, но пишутъ такъ, какъ коралловые полипы строятъ: періодъ приставляется къ періоду, и получается, что Богъ дастъ.

Сравненія имѣютъ великое значеніе, поскольку они неизвѣстное отношеніе сводятъ къ извѣстному. Даже болѣе обширныя сравненія, разрастающіяся въ параболы и аллегоріи, представляютъ сведеніе какого либо отношенія къ его простѣйшему, нагляднѣйшему и осязательнѣйшему представленію. Въ сущности говоря всѣ образованія понятій основываются на сравненіяхъ, поскольку они вытекаютъ изъ воспріятія подобнаго и невоспріятія неподобнаго въ вещахъ. Затѣмъ собственно *пониманіе* состоитъ въ концѣ концовъ въ воспріятіи отношеній (un saisir de rapports); отношеніе воспринимается яснѣе и чище, когда оно узнается въ двухъ совершенно разнородныхъ вещахъ. Когда отношеніе мнѣ знакомо лишь въ одномъ единственномъ случаѣ, я имѣю о немъ только индивидуальное, наглядное познаніе но лишь только я узналъ то же отношеніе въ двухъ различныхъ случаяхъ, я получилъ *понятіе* о цѣломъ *родѣ* ихъ, слѣдовательно, болѣе глубокое и совершенное познаніе. Именно потому, что сравненія представляютъ могучій рычагъ познанія, построеніе поражающихъ и удачныхъ сравненій свидѣтельствуетъ о глубокомъ умѣ. Аристотель говоритъ „очень много значитъ говорить метафорически: этого нельзя заимствовать у другихъ, оно составляетъ признакъ ума. Строить хорошія сравненія значитъ хорошо наблюдать“.

❋ ДЛЯ ЗАМѢТОКЪ. ❋

❈ ДЛЯ ЗАМѢТОКЪ. ❈

ОГЛАВЛЕНІЕ.